

ФАРИД ДЖАСИМ

ОКНО В ЭНЦЕЛАД

16+

Фарид Джасим
Окно в Энцелад

«Автор»

2022

Джасим Ф.

Окно в Энцелад / Ф. Джасим — «Автор», 2022

Существует ли Бог? Да, существует. В этом смог лично убедиться Максим Смоллов — техник-программист с сомнительным прошлым и странным настоящим, — когда узнал, что стоит за таинственными вспышками на спутнике Сатурна и как они связаны с трагическими случайностями, происходящими с людьми на Земле. Но что станет с человеком, который заглянет в душу Бога? Кто стережет запретное знание об истинной картине мира? Максим не предполагал, что ему придется искать ответы на эти вопросы, и совсем не догадывался о том, как сильно найденные ответы изменят его жизнь.

© Джасим Ф., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Пролог. Пророки	7
Часть первая. «Рука Нергала»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Фарид Джасим

Окно в Энцелад

Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых...

Ефесеянам, 6:18

Совершайте намаз, выплачивайте закят и крепко держитесь за Аллаха. Он – ваш Покровитель.

Коран, 22:78

Что это за служение сердцем? Это молитва.

Вавилонский Талмуд, Таанит, 2а

ПРЕДИСЛОВИЕ

Описанные в романе события – художественный вымысел. Автор не претендует на истину в последней инстанции, а лишь высказывает свое мнение. Автор не оспаривает ничьих убеждений и призывает своих читателей быть терпимыми друг к другу и мыслить самостоятельно.

Пролог. Пророки

Голос прозвучал из ниоткуда и отовсюду разом. Ровный, спокойный, уверенный. Так обращается добрый, умудренный опытом родитель к ребенку. Дмитрий Иволгин вздрогнул и подскочил в кровати, выронил книгу. Прислушался – тишина. Привстал и огляделся по сторонам, будто в спальне мог находиться кто-то еще. Углы комнаты тонули в полумраке, огни ночной Москвы не проникали сквозь плотно сомкнутые ламели на окнах. Тусклый свет прикроватной лампы был слишком слаб, чтобы рассеять тьму.

«Ответь мне!» – повторил бархатный баритон.

– Господи Иисусе... – прошептал Дмитрий дрожащими губами. Глаза округлились, взгляд забегал по едва различимым стенам.

«Ответь!»

– Боже!

«Теперь я тебя услышал, хорошо», – голос прозвучал удовлетворенно.

Дмитрий схватился за распятие на груди, словно утопающий за спасательный круг, скинул ноги с кровати и вскочил. Парой широких шагов преодолел расстояние до стены и щелкнул выключателем.

– Кто здесь? – выкрикнул он, шурясь от яркого света люстры.

Когда глаза привыкли, он внимательно осмотрел спальню и убедился, что в ней, кроме него, никого нет. Да и спрятаться в комнатенке было негде: пустые стены, никакого шкафа или широких плотных гардин, в углу – небольшой комод, и все. А под низкие борта кровати пролез бы разве что ребенок.

«Успокойся и присядь», – участливо посоветовал баритон.

Сердце заколотилось, во рту пересохло. Дмитрий невольно зажмурился и схватился за голову, когда наконец понял, что голос звучал именно в ней.

«Тебе не нужно ничего бояться, сын мой, – продолжал вещать голос, – ты на верном пути, и он приведет тебя ко мне».

– Господи, кто... кто это? – пролепетал Дмитрий, не раскрывая глаз. Он медленно потащился к кровати, присел на самый краешек.

«Ты знаешь ответ. Или догадываешься».

Последовала долгая пауза. Дмитрий тяжело дышал, словно пробежал стометровку, смотрел в пол; голову отпустил, но схватился двумя руками за крест на груди. Хоровод безумных мыслей, невероятных и пугающих, промчался в его сознании. Дмитрий верил в Бога, рьяно и истово, не пропускал ни единого занятия в семинарии, знал Библию почти наизусть. Друзья и знакомые пророчили ему удачную церковную карьеру, но не духовные саны привлекали Дмитрия больше всего, а искренняя помощь страждущим, и прежде всего – ищущим светлого пути. Объяснить, рассказать, направить. Он чтит Господа и усердно выполнял все Его заповеди, однако религиозным фанатиком себя не считал. Как и не замечал за собой признаков психических расстройств. Больных шизофренией не имелось в его роду ни со стороны отца, ни со стороны матери. Но этот голос...

«Ты не безумен, – его мысли, очевидно, читались совершенно беспрепятственно, – вовсе нет. Ты слышишь меня, а это значит, что ты внимлешь Господу своему, и сие есть только благо».

– Но как... – прошептал Дмитрий.

«Сын мой, я избрал тебя для важной миссии. Готов ли ты исполнить мою волю? Готов ли стать моей дланью в грешном мире?»

– Святой Иисус!

Дмитрий рухнул на колени и обратил взор к большому позолоченному распятию, висевшему на стене прямо над кроватью. Нервной скороговоркой прочел «Отче наш» – слова при-

вычно слетали с губ и неслись к распятому на кресте Назарянину. Завершив молитву, Дмитрий поднял глаза к потолку и спросил:

– Да, Господи, скажи, что я должен сделать! Я сделаю все!

«Я не ошибся в тебе, – удовлетворенно произнес голос. – Для начала ты должен приехать в город Абакан десятого июля и ровно в полдень явиться ко входу в храм Равноапостольных Константина и Елены».

– Но зачем...

«Не спрашивай! Узнаешь, когда будешь на месте».

Шок начал отпускать, мысли перестали скакать, как блохи, и неспешно выстраивались в ряд, связанные узелками логики.

– Поехать в Абакан... – пробормотал Дмитрий, подняв глаза к темному потолку.

«Именно, сын мой. Там, у входа в храм, тебе предстоит встретить мужчину и женщину. Ты узнаешь их сразу – это твой брат и твоя сестра».

– Но у меня нет...

«По вере, а не по крови. Они, так же как и ты, жаждут озарить мир благим лучом веры, наставить заблудших на путь истинный, изгнать скверну и грех из мира. Они близки тебе».

– Боже, – прошептал Дмитрий, потирая лоб. Невероятность происходящего нахлынула новой волной, разбивая разум о скалы сомнений и тревог за свое психическое здоровье. – Что же делается-то, боже ты мой, что же это...

«Веруешь ли ты в Господа своего Иисуса Христа?» – грозно спросил голос.

– Верую! – горячо воскликнул Дмитрий и перекрестился.

«Тогда отбрось сомнения, они от лукавого. Следуй за гласом Божиим, который слышишь в себе, и иди к свету истины, исполняя повеления Господни».

Дмитрий снова перекрестился, кланяясь распятию на стене, а затем встал с колен и, подняв глаза к потолку, сказал:

– Да, верую и сделаю все. Сомнений нет!

«Замечательно, – по-отечески мягко произнес голос, – тогда слушай и запоминай, что ты должен сделать, когда повстречаешь брата с сестрой...»

Линн Хольмберг верила в вещие сны. Обычно ей не снилось ничего и состояние сна было для нее не чем иным, как провалом в темную бездну ночью и выныриванием из нее наутро – и так почти всю сознательную жизнь. Многие ей завидовали, особенно престарелые родители, которые частенько страдали бессонницей, а если и спали, то урывками и не глубоко. Сны из раннего детства она за свои тридцать лет забыла, но дальше – отрочество, юность, ранняя зрелость – каждое сновидение оказывалось, как говорят, в руку. Они случались редко, даже очень редко, но им стоило доверять. Линн поняла это не сразу; пониманию предшествовали несколько совпадений, когда увиденное во сне в той или иной мере происходило наяву.

Как-то раз ей, тогда студентке Королевского технологического института в Стокгольме, приснилось, как она падает с дерева и ломает руку. Пробудилась она с чувством тревоги и уныния, даже обреченности. К этому времени Линн уже внимательно относилась к предсказаниям, полученным во снах, а потому начала день, нисколько не сомневаясь в приближающемся несчастье. Позвонила в приемную института и сказалась больной, чтобы отсидеться в безопасности.

Ага, в безопасности, как же!

Вечером того же дня она отказалась от душа: ванная – одно из самых рискованных мест в доме. Но когда Линн готовила себе ужин, прихватила из холодильника сразу четыре яйца. Одно выскользнуло из мокрых пальцев и разбилось, оставив на полу желтую жижицу. Второе полетело за ним – Линн попыталась поймать его, сделала инстинктивное движение и наступила в жижу. Нога взлетела, Линн плашмя рухнула на пол, прямо на руку. Первые несколько секунд

она просто лежала и тупо пялилась в потолок, словно не замечая острую боль в предплечье. А потом, чертыхаясь, доползла до стола, где лежал телефон, и набрала скорую.

Этот случай в очередной раз убедил Линн в надежности предсказаний, которые неким непонятным образом делал ее мозг. Она больше не сомневалась: увиденное во сне *неизбежно* произойдет наяву. Эта закономерность впоследствии стала как бы вшита в ткань ее реальности, будто видеть вещие сны так же естественно, как есть, пить или ходить в туалет.

Линн предпочитала не распространяться о своих способностях и с возрастом говорила о них все меньше. Родители, занятые пенсионерской жизнью, и не приставали с расспросами, хотя в юности Линн хвасталась им сбывшимися предсказаниями. О них родители или забыли, или вообще никогда не относились к толкованию снов дочери всерьез.

Во взрослую жизнь она вступила одинокой, замкнутой. Короткий брак с симпатичным и рослым, но безалаберным и крайне эгоистичным Нильсом завершился, едва ли протянув год, и оставил ее один на один с пустой квартирой и кредитом в пятьдесят тысяч крон. Кредит она взяла на свое имя, ведь Нильс на тот момент был безработным. Так она оплатила их двухнедельный отдых на Сейшелах, а пару месяцев спустя они расстались.

Линн ругала себя не за наивность или глупость, не за ошибку в выборе партнера и не за собственную неспособность разбираться в характерах; не хотелось даже поносить «кобелиную мужскую породу», хоть это теперь в тренде, – она кляла свои сны, которые никак, ни единым намеком, не предупредили ее о предстоящем разочаровании. В течение всех одиннадцати месяцев брака ей не приснилось ни одного вещего сна, который можно было бы истолковать как предостережение или совет.

С тех пор миновало больше двух лет. Линн справила свое тридцатилетие бутылкой дорогого вина, сигаретой и просмотром старой мелодрамы. Редкие сны продолжали предсказывать события. Сюжеты, как и прежде, вертелись вокруг обыденных ситуаций ее унылой одинокой жизни или включали в себя происшествия в окружающем мире: ураганы, землетрясения, теракты и прочее.

Сон, который приснился Линн в ночь на 29 апреля 2021 года, сильно отличался от всех прошлых видений. В этот раз она не увидела никаких особых событий – ни радостных, ни трагичных, – которые касались бы ее или людей вокруг.

Ей виделось, что она едет в аэропорт, предъявляет билет на стойке регистрации, затем проходит таможенный досмотр и контроль безопасности, садится в самолет и он взлетает, устремляется ввысь к белоснежным облакам. Мелодичный голос бортпроводницы сообщает, что рейс Стокгольм – Москва займет примерно два часа. Время в пути проносится незаметно, Линн не скучает, она полна радостного возбуждения, ожидания праздника, предвкушения чуда. Самолет заходит на посадку, пассажиры аплодируют мастерству пилота, который сажает машину без единого толчка и тормозит плавно, без рывков. Линн проходит пограничный контроль, а затем делает пересадку на внутренний рейс Москва – Абакан. Этот перелет длится гораздо дольше предыдущего, но в конце концов завершается благополучной посадкой в аэропорту далекого сибирского города. Линн покидает самолет, получает багаж и направляется к веренице такси. Она называет водителю адрес: «Храм Равноапостольных Константина и Елены». Водитель кивает, машина трогается с места. Линн с любопытством глядит в окно, рассматривая улицы незнакомого города, и пребывает в радостном ожидании; она откуда-то знает, что, прибыв к храму ровно в полдень, встретит двух мужчин, которые круто изменят ее жизнь, наполнят ее смыслом и глубоким содержанием. Вместе, втроем, они придут к божественной Истине, которая ярким маяком осветит их души, а через них – души всех людей в мире. Линн смотрит на экран своего смартфона и запоминает дату: 10 июля, суббота...

Она проснулась со смешанным чувством воодушевления и растерянности, радости и тревоги, но больше всего было удивления. Россия? Абакан? Где это вообще?

К ней пришло осознание, что этот сон – не просто предсказание, а еще и повеление. Чье? И почему? Ответов она не знала. В Бога Линн верила, но не так, чтобы регулярно посещать церковь, следовать традициям или читать молитвы: ведь религия, в конце концов, не что иное, как цемент, скрепляющий обветшалое здание патриархальных гендерных стереотипов. Однако ощущение сопричастности чему-то высокому, непознаваемому, грандиозному не оставляло Линн весь день. А вечером она села за компьютер. Открыла сайт российского посольства в Швеции, чтобы выяснить процедуру получения визы; затем изучила карту и нашла цель своего путешествия, почитала общие сведения о Хакасии и ее истории; и, наконец, принялась искать авиабилеты в Москву и Абакан.

Наступившее утро принесло радость, ведь сегодня состоится долгожданная встреча с Анаис! Договориться со строптивой колдуньей стоило Джеймсу Монтане немалых сил и заставило изрядно понервничать. Но когда она наконец согласилась ему помочь и сказала «да», это слово прозвучало самым прекрасным женским «да» в его жизни.

День стоял ясный, теплый, как обычно бывает в Нью-Йорке в конце апреля. Небо раскинулось необъятным голубым куполом над городом. Точнее, голубым оно казалось лишь над его окрестностями, где концентрация смога была не такой высокой, как в центре. Люди, по крайней мере большинство, выглядели дружелюбно: погода создавала в душах прекрасное настроение. Среди тех немногих, кто в этот день оставался хмурым и напряженным, несмотря на солнце и весну, был Джеймс. Невысокий и тучный, он неспешно брел по Уиллерт-авеню, засунув руки в карманы ветровки, и неотрывно смотрел в асфальт, будто искал потерянный бумажник. Несколько раз его пихнули плечом встречные прохожие, такие же задумчивые и рассеянные, как он, или просто хамоватые, считающие, что отклониться на полшага от курса и избежать столкновения есть нечто постыдное, недостойное, даже унижительное. Но Джеймс не замечал никого и ничего – ни людей, ни машин, ни солнца: его мысли занимала предстоящая встреча с колдуньей Анаис.

Джеймс привык при принятии важных финансовых решений полагаться на знаки, посланные, как он считал, высшими силами, а потому решил не нарушать собственную традицию: ведь успех есть лучшее мерило правильности курса. До сих пор знаки, откуда бы они ни являлись, будь то карты, хиромантия или спиритизм, осечек почти не давали, а потому все вложения в той или иной мере приносили прибыль. Но сегодня случай был особенный: речь шла о сорванном на прошлой неделе джекпоте в десять миллионов долларов.

Стать счастливым Джеймс смог благодаря гаитянской колдунье, которая обосновалась в миниатюрной квартирке на окраине Нью-Йорка и с которой его свел около года назад давний знакомый, эксперт по гаданию на картах Таро. Анаис утверждала, что является медиумом и регулярно общается с духами умерших, причем использует для этого не магию вуду, не камлание кандомбле или молитвы винти, не какие-либо прочие шаманские практики Западной Африки, мигрировавшие в Новый Свет пару столетий назад, а обычное столоверчение по традиционному европейскому образцу, хоть и приукрашенное некоторыми самобытными гаитянскими чертами. Она не делала на этом денег, считая свое умение даром свыше, к которому следует относиться трепетно и не марать его алчностью и стяжательством. Джеймс с невероятным трудом уговорил ее спросить совета духов в выборе номеров в лотерее, солгав, что отчаянно нуждается в деньгах на операцию шестилетней дочке, якобы больной раком. Тот же аргумент использовал, чтобы склонить темнокожую колдунью помочь ему вновь – на этот раз правильно вложить выигранные миллионы.

Теперь Джеймс направлялся к дому Анаис, пребывая в напряженном ожидании сеанса, который круто изменит его жизнь: грамотная инвестиция такой суммы даст невероятно высокие дивиденды, гораздо выше, чем джекпоты во всех лотереях США, вместе взятые. Волнующий момент.

Набрав код на замке, Джеймс вошел в подъезд и с пыхтением преодолел четыре лестничных пролета. Остановился перед обшарпанной коричневой дверью и постоял минуту-другую, восстанавливая дыхание. Затем попытался настроиться на позитивный лад, но волнение не отпускало. Может, это и к лучшему: меньше риск, что колдунья заподозрит обман, ведь когда деньги нужны на операцию для дочки, волноваться естественно.

Собрался с духом, постучал. Несколько мгновений висела тишина, потом послышались приглушенные шаги. Дверь приоткрылась, цепочка безопасности натянулась, в проеме показался большой навывкате глаз.

– А, это ты, – протянул низкий хрипловатый голос с характерным акцентом, – заходи.

Женщина звякнула цепочкой и распахнула перед гостем дверь.

– Благодарю, – подчеркнуто вежливо произнес Джеймс.

Квартира была прокурена и наполнена затхлым запахом старой мебели, табака и каннабиса. Из крошечной прихожей Джеймс попал в гостиную, один из углов которой отделяли от остального пространства две ширмы, установленные под прямым углом друг к другу. Туда и провела гостя Анаис.

Плотная, высокая, с широким выпуклым задом, темнокожая колдунья уселась на стульчик, который показался Джеймсу игрушечным по сравнению с ее габаритами. Фигурой он и сам-то далеко не Аполлон, если честно, но вид крупной негритянки, восседающей на маленьком стульчике, вызвал у него ухмылку, которую он с большим трудом подавил, после чего со словами благодарности расположился в предложенном кресле.

Между ними находился низкий деревянный стол, поверхности которого едва хватало, чтобы вместить лист ватмана примерно три на три фута и полную окурков пепельницу. На листе была нарисована окружность, расчерченная на равные сектора, словно куски пиццы. В каждом располагалось по букве английского алфавита, а также цифры от нуля до девяти. В самом центре листа лежала круглая деревянная дощечка размером со спичечный коробок, на которой скалил пасть Лоа – гаитянский дух. Ватман прижимали к поверхности стола четыре коротких подсвечника с огарками ароматических свечей.

В комнате царил полумрак. Грязное окно, затянутое давно не стиранными пыльными гардинами, пропускало мало света; плотные ширмы скрадывали его еще больше, погружая спиритический закуток чуть ли не в сумерки. Когда Анаис зажгла свечи, стало немного уютнее, и помещение сразу же наполнилось ароматом лаванды и еще каких-то трав, названия которых Джеймс не знал.

– Готов? – строго проговорила колдунья, глядя на клиента исподлобья. Ее раздражало то, что ей приходилось делать. Еще во время телефонного разговора с клиентом она предупредила, что больше помогать ему не станет, и в своем решении была непреклонна. Джеймс чувствовал это и абсолютно не сомневался, что видит Анаис в последний раз, а потому волновался еще больше: сейчас – единственный шанс получить дельный совет от духов, которым можно доверять и которые доказали свою правдивость.

– Да, – кивнул он и подо двинулся вместе с креслом ближе к столу.

– Когда дам знак, задашь свой вопрос.

Джеймс вновь кивнул, знакомый с ритуалом.

Гаитянка откинулась на спинку стула, задрала голову к потолку и закрыла глаза. До гостя донесся ее тихий шепот, прерываемый внезапными выкриками, короткими завываниями и даже стонами. Так продолжалось несколько минут, после чего она нависла над ватманом и посмотрела на мужчину.

Джеймс невольно вздрогнул, встретив ее колючий взгляд, острой шпагой проникший в самую душу. Глаза, и без того большие и выпуклые, расширились, когда она выразительно кивнула ему и положила указательный палец на изображение Лоа. Джеймс послушно прижал

свой палец к дощечке, коснувшись Анаис. Она громко запела на креольском, вновь закатив глаза к потолку, а затем уставилась на изображение духа и произнесла по-английски:

– Великий Лоа, ты с нами?

Гость ощутил, как дощечка дрогнула и с тихим шелестом поползла к ячейкам, увлекая пальцы мужчины и женщины за собой. Выбранные буквы сложились в слово «да». Джеймс, следуя знаку колдуньи, спросил:

– Ответь, добрый Лоа, как мне следует распорядиться деньгами, чтобы приумножить богатство? Какие акции купить? Во что вложить?

Он чувствовал, что голос его дрожит, а ладони стали липкими. Нелегко было сдерживать волнение.

Дощечка повела прижатые к ней пальцы и забегала между буквами, которые собрались совсем не в те слова, которые Джеймс ожидал прочесть: «Не думай о деньгах».

Несколько секунд он молча пялился на ватман, а затем повторил вопрос. Ответ пришел незамедлительно: «Забудь о деньгах».

Джеймс растерянно взглянул на Анаис, та смотрела строго, недружелюбно, но с некоторым триумфом, будто только что выиграла у него некий спор.

Дощечка между тем забегала по ватману, заматалась между буквами, заставив гостя приподнять лохматые брови: «Если исполнишь мое повеление, получишь намного больше, чем свои жалкие дивиденды от десяти миллионов».

Он вновь поднял взгляд на Анаис, но теперь посмотрел на нее с недоверием и плохо скрываемым подозрением. Она нахмурилась, возмущенная его беззвучным обвинением, но сама ощутила растерянность и удивление. Эти чувства легко читались в ее глазах и свидетельствовали об искренности колдуньи. Но тем не менее странность полученных ответов не давала покоя, заставляя сомневаться в действиях медиума.

Дух Лоа продолжал говорить: «Следуй за своим Господом и познаешь счастье. Отбрось сомнения, они от лукавого, женщина напротив тебя передает мою волю».

Джеймс увидел изумление в глазах Анаис, но сомнения все еще одолевали его.

«Знаю: не веришь. Чтобы убедить, напомню о событии, известном лишь тебе одному. – После короткой паузы дух заговорил: – Родительский дом в Нью-Джерси, ты отрок тринадцати лет. Отца и матери нет дома. Шумит вода в ванной. Ты крадешься на цыпочках, приоткрываешь дверь, видишь свою старшую сестру в душе».

– Что?! – потрясенно воскликнул Джеймс, вспоминая эпизод восемнадцатилетней давности, который всеми силами пытался позабыть, стереть из памяти, превратить из воспоминания в фантазию, чтобы лишить его реальности. – Нет...

«Ты не ушел, не закрыл дверь, – продолжал дух, – ты остался, разглядывал свою сестру и рукоблудничал, пока не опозорился прямо в штаны. Она так и не повернулась к тебе лицом и не узнала, что за ней подглядывают, но ты-то знаешь».

– О боже, только не это... – испуганно прошептал Джеймс и украдкой взглянул на колдунью. Теперь она смотрела на клиента с нескрываемым отвращением.

«Веруешь ли ты в Господа своего Иисуса Христа?» – грозно осведомился дух.

– Да... – пролепетал Джеймс, не уверенный, говорит ли он в самом деле с гаитянским духом или с некоей силой более высокого порядка. Руки задрожали, в горле встал ком.

«Тогда запоминай: десятого июля сего года ты должен прибыть в российский город Абакан ...»

– Куда?!

«Слушай и не перебивай. В Абакане ровно в полдень десятого июля у входа в храм Равноапостольных Константина и Елены ты встретишь двух близких тебе по вере людей, мужчину и женщину. Втроем вам предстоит исполнить мою волю, принести свет благой истины людям и избавить мир от греха, неверия и отступничества».

– Но как же мои...

Дух перебил: «Забудь все, что делал и чем жил прежде, потому что с десятого июля у тебя начнется новая жизнь. И помни: ослушаешься – будет большая беда».

– Да, – сглотнув, произнес Джеймс, – я сделаю, как ты велел. Но... для чего это все? «Узнаешь там и тогда».

Дощечка медленно вернулась в центр ватмана и замерла. Мужчина потрясенно уставился на колдунью и, убрав палец, пролепетал:

– Что это было?

Будто она знала ответ! Анаис смотрела на него, выкатив огромные круглые глаза, полные губы чуть подрагивали. Джеймс и не ждал от нее ответа, его предстояло отыскать самому – в далекой России, в городе, о котором и слыхом не слыхивал.

Не чувствуя под собой ног, он поднялся с кресла и хотел было поблагодарить женщину, но замер, увидев, как ее широкое лицо вдруг скривилось в гримасе боли. Она захрипела, схватилась за левую грудь. На губах выступила белая пена, глаза закатились.

– Что с вами?! – воскликнул мужчина и достал из кармана ветровки айфон.

Анаис застонала, но резко затихла, обмякла и медленно, точно тряпичная кукла, сползла со стула на пол.

Джеймс, потрясенный и напуганный, стоял над бездыханным телом колдуньи. Ему до сих пор не верилось, что сегодняшней, на первый взгляд самый обыкновенный день так неожиданно изменил его настоящее и развернул в совершенно непредвиденном направлении его будущее.

Он разблокировал экран на телефоне и набрал номер службы спасения.

Часть первая. «Рука Нергала»

Глава первая

Тихий всхлип, едва слышный среди надсадного сопения, знаменовал миг наивысшего блаженства. Несколько минут спустя они лежали в обнимку – она на спине, он на боку, спрятав лицо у нее в шее. Мужские пальцы поигрывали с длинным локоном мягких рыжих волос.

– Макс? – прошептала она, поглаживая шрамы от ожогов на его спине.

– Здесь, – откликнулся мужчина, будто школьник на переключке.

Молчание продлилось почти минуту, прежде чем женщина заговорила вновь:

– Что будем делать?

– С чем?

Она напряглась, голос похолодел:

– Сам знаешь.

Макс перевернулся на спину, уставился в серый потолок. Желание его побелить накатывало всякий раз, когда обстоятельства заставляли брать на себя ответственность и принимать важные решения: ведь скучная, монотонная работа хорошо умеет создавать иллюзию отсутствия проблем. За последнее время такое случалось нечасто, но каждый раз ему приходилось откладывать побелку потолков до лучших времен. Обстоятельства умеют убеждать. Сейчас был как раз такой момент. Банка краски в кладовке, там же и кисти; достать все необходимое – и за работу. Но... наверное, опять в другой раз.

Он повернул голову, взгляделся в профиль женщины, мягкий и горбоносый. Она ждала ответа, смотрела в потолок. Может, тоже считала, что его пора побелить. А может, просто боялась смотреть в глаза.

– Снежана, – обратился он к ней с улыбкой, – никак не пойму, с какого перепугу родители тебя так называли? Ты же рыжая, как лиса.

– Макс, – строго проговорила она, повернув к нему лицо, – я сто раз рассказывала почему. Не уводи разговор в сторону, отвечай.

Он невольно вздохнул, вздох получился печальный и обреченный. Снежана нахмурилась еще больше, но не отвела бледно-серых глаз, терпеливо ждала.

– Давай в другой раз решим? – предложил Макс. – Окончательно.

– Нет, – она покачала головой, – нельзя. Сроки поджимают, надо сегодня.

Спас телефонный звонок. В тишине вибрация прозвучала как рев мотора. Макс невольно вздрогнул, потянулся к прикроватной тумбочке и взял смартфон. Недовольно скривился, увидев на экране имя своей невестки Тамары. С женой старшего брата отношения не заладились с давних пор. Он считал Тамару самовлюбленной снобкой, а она Макса – бестолковым неудачником. Открытых конфликтов между ними не возникало, но холодность в отношениях сквозила явная, откровенная.

– Блин, чего ей надо, – проворчал он, раздумывая, принимать ли звонок. Тратить драгоценное время со Снежаной на разговор с невесткой совсем не хотелось. Но с другой стороны, было понятно, что Тамара и сама вряд ли горела желанием набиваться ему в собеседники, а потому без серьезного повода звонить не стала бы.

– Да ответь ты уже, – не выдержала Снежана, кивая на дребезжащий телефон.

Макс вздохнул и нажал на зеленую кнопку, приложил телефон к уху.

– Да, Тома, привет.

– Макс! – закричали на том конце. – Макс, прошу тебя, приезжай...

Он резко приподнялся на локте. Сердце понеслось вскачь, в груди все сжалось. Снежана, до которой долетели обрывки громких фраз, нахмурилась и побледнела.

– Тома, что случилось?..

– Макс, срочно приезжай, у нас несчастье, – голос невестки задрожал, раздались глухие рыдания.

Он отбросил одеяло, вскочил, прижав телефон к уху так сильно, что затрещал пластик.

– Объясни...

– Саши... Саши больше нет.

Теперь Тамара рыдала в голос.

– Что?!

– Сегодня ночью... на работе... сердце...

– Как?! – Макс не верилось, что он правда это слышит. В голове все перемешалось, он выдавил первое, что пришло на ум: – Какое сердце, он же здоров как бык...

Женщина с трудом уняла плач, проговорила дрожащим голосом:

– Приезжай, прошу тебя!

– Еду, – глухо буркнул он и отключился.

Опустился на краешек кровати, замер, уставившись в зеркальную дверцу гардероба напротив. Из мира зазеркалья на него пялился бритый налысо, остролицый молодой мужчина с высокими скулами, прямым носом и узким подбородком, рассеченным надвое короткой полоской шрама. Он смотрел широко распахнутыми карими глазами на своего двойника и пытался переварить, принять, разложить по полочкам новую реальность, в которой сводного брата больше нет в живых.

Макс вздрогнул, ощутив нежные теплые ладони на своих плечах, увидел в отражении бледное лицо Снежаны, которая обняла его сзади, прижалась, будто пыталась укрыть от навалившего горя.

– Божечки, ужас какой! – хрипло проговорила она, а через минуту добавила: – Соболезную. Поезжай, ты ей очень нужен. Созвонимся позже, мне тоже пора, перерыв скоро закончится.

Не отвечая, словно на автопилоте, Макс поднялся с кровати и принялся одеваться. Некоторое время спустя, стоя в дверях, обернулся к подруге, почти одетой и разглаживающей складки на юбке, и сказал:

– Мы оставим ребенка.

Снежана вскинула на Макса округлившиеся глаза. Она явно ожидала другого ответа.

– Ну а как же... – начала она, но он прервал ее:

– Как-нибудь разрулится. Запри, пожалуйста, дверь, а ключ в ящик, как всегда. Мне пора.

Стоял пасмурный, но на удивление теплый летний день. Бордовая мазда неслась по питерским улицам, благо в середине дня город не был перегружен транспортом. Макс сбрасывал скорость лишь перед видеокамерами и постами ГАИ. Он считал себя умелым и опытным водителем, с быстрой реакцией и хорошим глазомером, а потому риск нарваться на штрафы был, как ему казалось, единственной опасностью, которая подстерегала его за рулем. Даже сильный стресс не мешал вести грамотно, скрупулезно следуя правилам, – всем, кроме ограничения скорости. Всю дорогу он нервно слатывал и кусал губы, ощущая тяжелую ледяную глыбу в животе.

Путь до проспекта Науки занял не более двадцати минут. Оставив машину на парковке для гостей, Макс торопливо направился к двери в подъезд и набрал код. Дул легкий ветерок, наполненный ароматом свежескошенной травы: газоны у дома недавно подстригли, и они казались ковролином, которым застелили голую землю; с детской площадки доносились визги и смех малышни. Но он не замечал ничего из этого, мысль сфокусировалась на предстоящей

встрече с Тамарой, на том, что сейчас услышит, на рыданиях и женских слезах, – на том, что бьет больше всего.

Взлетев на третий этаж, остановился перед черной дверью с номером 44, выгравированным прямо над глазком. Элегантная табличка извещала, что в квартире проживают Смоловы А. и Т.

Он поднял руку, приложил палец к кнопке звонка, но замер. Вдруг стало страшно. Ладони вспотели, колени противно задрожали. Он прекрасно знал, что ждало его за этой дверью. Именно это знание и не давало надавить на кнопку. Понятное дело, он просто трусит. Может, вызвать Никиту? Тот справился бы с ситуацией лучше, тому любой стресс похер. Макс занес ладонь над правой щекой, но в последний миг одернул себя. Нет, решил он, лучше или не лучше, а с ситуацией придется справляться самому. А то некрасиво выйдет. Не только Никита засмеет, но и вообще некрасиво.

Макс закрыл глаза и надавил на кнопку звонка. За дверью пропела «птичка», прошаркали шаги, щелкнул замок.

– Макс... – жалобно произнес знакомый голос.

Преодолевая внутренне сопротивление, он прямо на пороге обнял родственницу. Она прижала мокрое от слез лицо к его груди и глухо всхлипнула. Похоже, уже отрыдалась, сил ни на что другое не осталось. Через минуту они разомкнули объятия.

– Проходи, – тихо проговорила она и посторонилась.

Скинув кроссовки в прихожей, Макс прошел в гостиную, опустился на софу. Комната большими размерами не отличалась, но обставлена была со вкусом и изяществом: кресла с широкими подлокотниками, низенький кофейный столик со стеклянной столешницей, телевизор, две книжные полки, подпиравшие потолок. Сашка никогда не придавал особого значения внешнему виду мебели, он оценивал лишь ее функциональную сторону. Тамара же создавала в интерьере некий стиль, стараясь следовать моде. Стили могли различаться в спальне и гостиной, в кабинете и кухне, но они не должны были нарушать гармонию и вступать друг с другом в эстетическое противоречие. В доме все должно выглядеть тип-топ, считала она. И не дай бог сдвинуть кресло или стол чуть в сторону, ведь нет ничего отвратительнее, ничего безвкуснее, чем интерьерный хаос, в который погружалось жилище, где мебель передвигалась беспорядочно, без учета требований гармонии.

Когда Макс закахивал к брату, оба закатывали глаза к потолку, то и дело слыша недовольное ворчание хозяйки из-за каждой просыпанной на кресло крошки или пролитой на стол капельки чая. Макс научился справляться с раздражением и искренне сочувствовал Сашке, но тот, влюбленный в жену, отмахивался и с усмешкой разводил руками, мол, что поделаешь, и на солнце есть пятна.

– Вот так, нету больше с нами нашего Саньки.

Тихий, печальный голос женщины вывел Макса из оглушения. Он поднял на нее взгляд и, как обычно, закусил губу.

Тамара стояла у входа в гостиную и мяла в руках носовой платок. Невысокая, одетая в домашние треники и футболку, с сизыми мешками под опухшими глазами, она выглядела сейчас женщиной под пятьдесят, хотя лишь недавно разменяла четвертый десяток. Темно-каштановое каре обрамляло широкое заплаканное лицо; бледные губы протянулись ровной линией под крупным мясистым носом, покрасневшим от частого сморкания.

Тамара прошла к креслу напротив софы, присела. Макс кашлянул, сжал пальцы в кулаки, чтобы унять дрожь, затем спросил:

– Как это случилось?

Она вздохнула, отвела взгляд, качая головой, словно не веря в то, что собиралась сказать, наконец выдавила:

– Сердечный приступ. Он со своей группой готовил доклад для конференции по нейробиологии... той, что на следующей неделе в Москве. Аврал, сроки поджимают, вот и остались на сверхурочную. Представляешь, он... – она не сдержалась, всхлипнула, но тут же взяла себя в руки, – ...звонил мне за час до смерти. Господи, не верится прямо... Голос такой бодрый, радостный, возбужденный, хотя был уже первый час ночи.

– Что он сказал?

– Сказал, что сделал какое-то важное открытие, которое, по его словам, перевернет с ног на голову и медицину вообще, и физику, но прежде всего нейробиологию. Сказал еще, что ему осталось проанализировать последние данные каких-то опытов, или экспериментов, или что-то в этом роде... мол, он почти готов. – Тамара пожала плечами, шумно высморкалась и продолжила: – Подробностей не знаю, не объяснил, да я и не интересовалась, ты же знаешь, наука мне побоку. Добавил только, что скоро прославится и разбогатеет. Ну я особого значения его словам не придавала, ответила, что лягу спать и чтоб не шумел, когда придет. А потом...

Женщина закрыла лицо ладонями, тихонечко завывала. Макс сцепил пальцы в замок, сжал зубы, глядя в пол. Прошла почти минута, прежде чем она взяла себя в руки, промокнула глаза и заговорила вновь:

– Через час-полтора звонок – Сашин ассистент Володарский, знаешь его? Вихрастый такой.

Макс молча кивнул.

– Ну так вот, звонит и говорит, что Александр Семенович скончался от сердечного приступа.

Макс приподнял брови: слова резали слух, как фальшивая нота бездарного скрипача. Тамара продолжала:

– Работал, говорит, работал за компьютером, да как схватился за сердце, захрипел, и все, зачих. Они тут же вызвали скорую, ну и все дела.

– Здрасьте-счастье, бред какой-то, – проговорил Макс, недоверчиво качая головой. На гладко выбритом темени заиграли блики. Женщина вопросительно уставилась на родственника, тот пояснил: – Не мог он от сердечного приступа умереть. Ты же знаешь, Тома, он из качалки не вылезал, ЗОЖи там всякие, не пил и не курил...

– Ах, мне ли не знать.

– И потом, – продолжал Макс, – он мне сам рассказывал, что проходил в прошлом месяце медобследование, от института направили, помнишь?

– Ну да... – неуверенно пролепетала женщина.

– Так он еще, помню, хвастался: ему сказали, что сердце у него как у космонавта.

– И в самом деле... Что за ерунда получается? Я что, все напутала?

Тамара нахмурилась, потом шлепнула себя по лбу, воскликнула:

– Да нет, от сердца он умер, точно говорю! Я же утром в морге была, там врачи подтвердили. Сказали, заключение пока предварительное, но все признаки указывают на внезапную аритмическую смерть.

– Не может быть! Я не врач, конечно, но...

– За что купила, за то и продаю. Но ты прав, звучит очень странно, Сашенька никогда на сердце не жаловался. Да он вообще ни на что не жаловался! Господи, что за несчастье...

Она опять высморкалась, по мокрой щеке побежала слеза. Иногда кажется, что запас слез в человеке бесконечен.

День десятого июля стал просто отвратительным. Макс чувствовал, что у него голова идет кругом. Радость от чудесного свидания со Снежаной стремительно испарялась на фоне страшной новости, сдобренной суром в виде невероятного заключения патологоанатомов.

В комнате повисло молчание. Оба смотрели в пол, размышляя каждый о своем. Через несколько минут Макс спросил:

– Когда похороны?

Тамара дернула плечами, посмотрела в окно, будто ожидала увидеть там ответ на вопрос.

– Не думаю, что скоро, – проговорила она наконец, – пока вскрытие, окончательное заключение, да и нам подготовиться надо, чтоб все как у людей... не знаю.

– Позвоню в похоронное бюро, надо организовать...

– Мой папа обещал, что займется этим и все устроит. Тебе-то тоже сейчас нелегко.

– Да уж... – Макс вздохнул и благодарно покивал, через несколько мгновений сказал: – Я сообщу нашим родителям.

– Спасибо, Макс, а то я не в силах, мне еще Люсеньку от мамы забирать, ей рассказывать про ее папу... Господи, кошмар какой.

– Что слышно от коллег?

– Ничего, больше не объявлялись. А что?

– Хочу поговорить с Володарским, – Макс глубоко вздохнул, – интересно узнать подробности.

– Да уж, Макс, будь добр, зайти к нему на работу, наверняка Сашкины личные вещи забрать надо, я правда просто не могу...

– Сделаю, – пообещал Макс и поднялся с кресла.

– Да погоди ты, – остановила его Тамара, – чайку поставлю.

– Нет, спасибо, – он помотал головой и направился в прихожую.

Пока влезал в кроссовки, Тамара, прислонившись плечом к косяку, осведомилась:

– У тебя-то как дела? Давно не виделись.

Это была правда, Макс гостил у брата последний раз пару недель назад, если не больше, но с невесткой не пересекся: она со своей дочкой в это время навещала бабушку.

Непривычно слышать, как Тамара интересуется его делами, но всем известно – общее горе сближает. Однако он просто пожал плечами, говорить не хотелось. Ни о чем.

– Все как всегда, – буркнул он и положил ладонь на хромированную ручку двери.

Остаток дня Макс бесцельно прослонулся по парку, пообедал шаурмой и прогулялся по набережной, пытаясь таким образом успокоить нервы. Наконец он решил, что пора домой, – после долгого пребывания среди незнакомых людей захотелось уединиться, отгородиться от всего мира запертой дверью, сомкнутыми жалюзи и, может быть, даже отключенным телефоном. И Макс зашагал к парковке.

На город уже опустился вечер, солнце устало повисло где-то над самым горизонтом, скрытое от глаз высотками и деревьями, и стрельнуло в небо красками, всей палитрой разом, замазав облака розовым, а западный небосклон багровым, плавно переходящим в оранжевый, а потом в бирюзовый.

Несмотря на прогулку, домой Макс вернулся в отвратительном настроении. Грохотнул дверью, ключи бросил на полочку под зеркалом и рухнул на кровать, аккуратно застеленную Снежаной. Заложив сцепленные пальцы под голову, устался в серый потолок. Внутри по-прежнему стыла глыба льда, в глазах щипало. Пока ехал домой, позвонил отцу с матерью, рассказал, и снова крики, плач, стоны. Наблюдать реакцию других людей на горе, особенно родных, приносит больше боли, чем собственные переживания. Почему так?

Только теперь вспомнил, что забыл позвонить в лабораторию Саши. Глянул на часы – поздно, сейчас в институте точно никого нет. Лабораторию, скорее всего, закрыли после инцидента, а завтра воскресенье. Черт, попасть туда можно будет только в понедельник. Хотя к чему спешка, брату это уже не поможет. Понедельник так понедельник.

Макс с усилием поднялся с кровати и заставил себя сходить в ванную, принять душ. Стоя под тугими горячими струями, не удержал рыданий; поднял лицо к самой лейке душа, будто желал спрятать слезы под потоками воды, и простоял так с четверть часа. Стало легче.

Подумал, что узнай об этом Никита – подтрунивал бы над ним, назвал бы плаксивой бабой, но сейчас Макс было все равно. Полегчало, а это главное.

Выйдя из душа, он решил, что ему необходимо расслабиться. Направился в кухню, достал из холодильника банку крепкого пива, но замер. Никита терпеть не мог алкоголь. Пробурчав материки, Макс вернул банку на полку и взял оттуда же другую – нефилтрованную голубую «Балтику» с большим нулем под названием. Вернулся в спальню (она же гостиная, она же кабинет) и улегся в постель, включил телик в ожидании вечернего выпуска новостей.

Настроение немного подняла Снежана. Улучив момент, отправила ему веселое сообщение в ватсапе, потом еще несколько успокоительно-любовных, а под конец пару страстных, почти грязных. Макс отвечал в тон, но инициативу не проявлял. Приятно, что она пытается помочь, поддержать – ничего больше Снежана сейчас сделать не могла. Запутавшаяся в паутине сложных жизненных обстоятельств, она старалась не оставлять его наедине с горем, но получалось с трудом: паутина держала крепко.

Будет здорово, когда у них родится ребенок!

Он уплыл мыслями к своему решению, которое сегодня днем так неожиданно озвучил перед выходом из дома. Однако раздумья пришлось прервать: внимание привлек голос ведущей программы новостей. Статная молодая женщина с черными как смоль волосами рассказывала о только что полученном сообщении информагентства. Интонация выдавала точно отмеренную порцию волнения и восторга – ровно столько, сколько необходимо, чтобы заставить телезрителей дослушать новость до конца.

– Российские астрономы сообщают о трех вспышках на поверхности спутника Сатурна Энцелада, сопровождавшихся сильным электромагнитным излучением. Сигналы наблюдались примерно в полдень по московскому времени в крупнейшей российской обсерватории на Северном Кавказе. Буквально час назад получены подтверждения из Гринвичской и Парижской обсерваторий, которые тоже зарегистрировали вспышки. Ученым пока неизвестна природа сигналов и их происхождение, предполагается метеоритная бомбардировка поверхности Энцелада. Однако требуется тщательный анализ данных, после которого...

– И что? – буркнул Макс себе под нос. – В космосе этих вспышек как собак нерезанных...

Видеоряд, изображавший спутник Сатурна в разных ракурсах, состоял из нескольких фотографий, сделанных исследовательским зондом «Кассини» прежде, чем он сгорел в атмосфере газового гиганта еще в 2017 году. Снимков вспышек, о которых шла речь в репортаже, Макс так и не дождался. Решил позже при случае пошарить по интернету. Вдруг стало любопытно – вспомнилась ранняя юность, когда он занимался любительской астрономией и, конечно же, зачитывался космической фантастикой.

– Известный российский астроном Григорий Коломин, – продолжала телеведущая, – указал на странность, связанную с наблюдаемыми вспышками: все три произошли в одном и том же месте на поверхности Энцелада в области экватора, причем с равными интервалами в десять секунд. Получить пояснения, к сожалению, пока не удалось: в НИИ РАН нам сообщили, что два часа назад Коломин погиб в результате автомобильной аварии. Однако российское ученое сообщество...

– Что за день такой... – проворчал Макс и, взяв телефон, стал искать на новостных сайтах дополнительную информацию о вспышках. Ведущую слушал краем уха.

Вскоре последовал рекламный блок, а затем телекрасавица в синем платье заговорила вновь:

– Информационное агентство Хакасии сообщает о трагическом инциденте, происшедшем сегодня около шестнадцати часов по местному времени. В недрах Кашкулакской пещеры, главной хакасской достопримечательности, во время экскурсии пропали трое туристов, два из которых являются иностранными гражданами. МЧС начало экстренные поиски, о других

жертвах не сообщается. Посольства соответствующих стран проинформированы о происшествии.

– Блин... – покачал головой Макс и вдавил красную кнопку на пульте, раздраженно отшвырнул его в сторону. Пресытился негативом по самое не могу. Пора этому проклятому дню закончиться.

Макс погасил свет и мгновенно провалился в забытье.

Глава вторая

Страшно. Больно. Скоро станет гораздо больнее. Так, как уже было не раз. Его держат трое, локти выворачивают за спину, заставляют нагнуться. Чья-то рука хватает его за волосы, дергает голову из стороны в сторону, а затем наклоняет вниз. Взгляд упирается в грязный каменный пол подвала. Вокруг сыро и темно, пахнет пылью и крысиным дерьмом. Удар в живот – перехватывает дыхание; удар между ног – адская боль, подкашиваются ноги; удар по лицу – клацают зубы, из разбитых губ капает кровь. Но это фигня, он почти не обращает на удары внимания: готовится к главному. В ушах мат и глумливый хохот, в ноздрях вонь расплавленной канифоли. Вот сейчас станет по-настоящему больно, еще мгновение и...

Макс вздрогнул и проснулся. Сердце колотилось в груди, как отбойный молоток, по лицу струился пот. Взгляд широко распахнутых глаз уперся в потолок, по которому плясали вычурные тени; с улицы доносился рокот мотора паркующейся машины. Миг спустя шум стих, хлопнула дверца, взвизгнула сигнализация. В комнате, погруженной в полумрак, стало тихо. Макс откинул одеяло, приподнялся на локте и потянулся к выключателю настольной лампы на тумбочке, но замер, услышав шорох за спиной. Медленно повернул голову назад и застыл, чувствуя, как ледяные щупальца сковывают сердце. За спиной возле гардероба обнаружился силуэт человека: высокий, сухопарый мужчина, но лица не разглядеть. Он стоял неподвижно, словно истукан, и, кажется, смотрел прямо на Макса.

– Здрасьте-счастье ... – пролепетал тот, отодвигаясь к краю постели.

Но пустолицый силуэт шевельнулся, вытянул руки вперед и шагнул к задыхающемуся от ужаса человеку.

– Твою ж...

Макс заорал во все горло и дернулся назад, рухнул с кровати на пол, больно ударился затылком о батарею под окном и...

Он подскочил в постели, тяжело дыша и лепеча ругательства. Резко обернулся к гардеробу, всматриваясь в полумрак, затем огляделся по сторонам, включил свет – комната была пуста.

С тяжелым вздохом Макс рухнул на подушку, мокрую от пота, бросил взгляд в окно. Давно рассвело, но на улице было по-прежнему тихо. Жители квартала в это воскресное утро просыпаться не спешили.

Макс отбросил одеяло и поднялся, потянулся, пытаясь изгнать из памяти неприятные воспоминания. Жуткие образы отлипнуть не хотели, цеплялись за сознание, отказываясь погружаться в глубины разума. Некоторые события из детства лишь прикидывались забытыми, но на самом деле сияли в недрах памяти ярким пламенем, отблески которого порой пробивались в сновидения.

Он сжал зубы и, завернув руку за спину, почесал один из шрамов под лопаткой.

– Пошло на хер из меня! – прорычал чему-то в себе и тряхнул головой, словно ставя точку в размышлениях.

Макс раздвинул шторы и распахнул окно настежь, позволив порыву свежего утреннего ветерка ворваться в комнату и напомнить ее хмурому обитателю, что сейчас лето, и погода на улице отличная, и светит солнце, и вообще жизнь прекрасна! Несмотря ни на что.

Он взял с тумбочки мобильник – часы показывали начало одиннадцатого. В верхнем левом углу горело уведомление о пропущенном звонке. Провел пальцем по экрану – незнакомый номер. Может, невезучий клиент, которому срочно понадобилась помощь с компьютером именно сегодня, в этот чудесный воскресный день? Макс решил не торопиться с выяснением. Принял душ, сбрил чуть отросшую щетину, вернув коже на голове безупречную гладкость, съел на завтрак свою обычную порцию мюсли с обезжиренным йогуртом. Затем заварил крепкого кофе и, наконец, достал телефон. Пора за работу. Набрал номер, приложил трубку к уху.

– Доброе утро, – начал он, как только услышал на том конце басовитое «слушаю», – вы позвонили в фирму «Цифровая скорая», приношу извинения, что не смог вовремя принять звонок, но...

– Максим Смоллов, это вы? – оборвал поток вежливых речей голос.

– Да, а вы?..

– Не узнали? – то ли спросил, то ли констатировал мужчина. Судя по едва слышному причмокиванию, он что-то ел. – Это я, Антон Володарский.

О, на ловца и зверь, промелькнуло у Макса.

– Антон, здравствуйте, – обрадовался он, – как хорошо, что позвонили, я собирался разыскивать вас.

– По какому поводу?

– Ну... насчет вещей Саши.

– Именно, – Володарский вздохнул, что-то проглотил и сказал: – И я по тому же поводу. Но для начала примите мои искренние соболезнования и передавайте их Тамаре: сам я никак не дозвонюсь до нее.

– Она себя неважно чувствует из-за всего, – объяснил Макс, – просила меня заехать за вещами. Много вещей-то?

– Да нет, небольшая коробочка... В основном его личное: чашка, фотографии, мягкие туфли и еще всякая мелочовка. Ну и его флешка. Там Александр сохранил свою работу, которую только что завершил... – Володарский помолчал, пожевал, сглотнул, потом вдруг заговорил с придыханием, даже неким благоговением: – Нет, не просто работу. То, что он открыл в результате долгой серии экспериментов, можно без всякого преувеличения назвать настоящим прорывом в нейробиологии, да и во многих других науках. Физик Штейн, наш консультант, считает так же. Его открытие просто невероятно...

– А... над чем он работал? – полюбопытствовал Макс, немного сбитый с толку неожиданной сменой темы.

– О, название вам, наверное, мало что скажет. Официально звучит так: «Сейд-излучение височной медиальной извилины правого полушария при деполяризации нейронов».

Макс хмыкнул и покачал головой, будто собеседник мог это видеть, потом сказал:

– И правда, говорит мало что.

– Но, господа, к каким выводам он пришел! – воскликнул ученый. – Нечто из ряда вон. Поразительно, смело! Обыватели встанут на уши, а пресса изойдет на говно и воду, когда узнают. Да и научное сообщество вряд ли сразу это примет, зато потом...

– Ну да, да, – промямлил Макс, не зная, как прокомментировать то, о чем не имел ни малейшего представления, – мой брат был настоящим гением.

– Бесспорно! Он собирался представить свое открытие на конференции. Это был бы скандал, настоящий скандал.

– Теперь о его открытии не узнают на конференции? – расстроился Макс.

– Трудно сказать, нам многое предстоит изменить в графике и содержании встреч в связи со скоростной кончиной вашего брата, да и определиться с авторскими правами, регистрациями и прочим. Боюсь, мы не успеем, ведь конференция начинается уже в среду. Поэтому Сергей Анатольевич, наш научрук, склоняется к тому, чтобы пока придержать работу Александра – утрясти все формальности, а осенью представить ее в Берлине на съезде нейробиологов. От имени покойного Смолова, разумеется.

Володарский опять принялся чавкать и шумно сглатывать. Макс молчал, ждал. Наконец ученый продолжил:

– Так что заберите и флешку тоже, я только скопирую файлы обратно на институтский компьютер.

– Обратно на компьютер? – удивился Макс.

– Да. У нас, знаете ли, неожиданная смерть Александра оказалась не единственным происшествием в лаборатории. В институтские сервера проник вирус, который вчера вечером парализовал работу всех внутренних сетей. Потому сегодня я здесь: айтишники сделали свое дело и очистили систему, так что я теперь восстанавливаю резервные файлы – перекидываю их с внешних устройств и накопителей в общую базу. Как откопирую работу Смолова, флешка ваша.

– Ясно. Когда могу приехать?

– Я в лаборатории до трех. Охрану предупреджу о вашем приходе. Адрес знаете?

– Да. Всего доброго!

Макс отключился и, бросив телефон на кровать, озадаченно покачал головой. От разговоров о покойном брате защипало в глазах и набежала тоска. К ней примешалась гордость за близкого человека, который добился столь выдающихся успехов, что коллеги говорят о нем с восхищением и глубоким уважением.

Молодец Сашка, всегда был способным, на шаг впереди остальных.

Четверть часа спустя Макс вел машину, петляя по питерским проспектам и приближаясь к улице Академика Павлова, где располагался Институт мозга человека. Пока ехал, поглядывал то и дело на экран бортового компьютера, подключенного по блютузу к телефону. Сегодня воскресенье, и ожидать весточки от Снежаны не имело смысла, но все же поделаться с собой он ничего не мог. Не то чтобы услышать ее голос, нет, – хотя бы прочесть пару строк было бы лучиком света в темном царстве стрессов и дурных вестей. Но телефон безмолвствовал, следуя заведенным правилам их запретного романа длиной почти в год.

Макс хмурил брови и жевал губы, размышляя о том, что Никита не стал бы, по его собственному выражению, «париться» и спокойно «забил бы и на баб, и на весь сраный негатив». Вот кому легко – шагает по жизни танцующей походкой. А у меня, думал Макс, – как в известной песне, «покой нам только снится». Хотя покоя нет и во сне, черт бы его побрал.

Кирпичное здание института выросло из-за поворота почти сразу, как только бордовая мазда свернула с Кантемировского моста. Макс занял ближайший к зданию парковочный «карман», благо в воскресенье мест имелось предостаточно. Заперев автомобиль и захватив с собой рюкзак, направился к служебному входу.

В институте царили безмолвие и пустота, шаги отдавались гулким эхом в безлюдных коридорах, хоть хоррор снимай. Не считая охранника у входа, Макс не повстречалось ни единого человека. Оно и понятно: кому охота заседать на работе в такой прекрасный летний (да еще выходной!) день. Указатели привели его к дверям лаборатории, на которых висел список работников. Смолов А. С. по-прежнему значился в их числе. Макс постучал, прислушался – тишина. Постучал еще – никакого ответа. Тогда открыл дверь.

Стены, выложенные светло-голубым кафелем, отражали свет потолочных ламп. Помещение занимали столы с медицинским оборудованием и компьютерами, вдоль стен тянулись ряды

шкафов, маркированных всеми буквами алфавита в сочетании с цифрами. У дальней стены Макс заметил белую дверь, разглядел на табличке надпись «Заведующий лабораторией». Он осмотрелся по сторонам и не увидел ни одной живой души. Петля между столами, прошел к двери и постучал. Никакого ответа. Макс скрежетнул несмазанной ручкой, переступил порог кабинета и замер, с ужасом глядя прямо перед собой.

Он узнал Володарского по пышной вихрастой шевелюре. Тот сидел на стуле, положив голову на письменный стол, в углу которого стоял монитор и лежала клавиатура компьютера. Системник тихо гудел на подвеске у самого пола. Руки ассистента покоились на столешнице, будто человек устал и прилег поспать прямо на рабочем месте. На столе стояла широкая тарелка с гроздью винограда, пара ягод валялись рядом с нею, еще несколько Макс заметил на полу. Он обошел стол и заглянул Володарскому в лицо, невольно отпрянул.

Темно-фиолетовый цвет щек, лба и шеи, красные глаза с расширившимися зрачками и розовые пятнышки вокруг век недвусмысленно намекали на то, что человек, скорее всего, задохнулся. Приблизившись, Макс уловил кислотоватый запах мочи. Меж приоткрытых сиреневых губ Володарского виднелась крупная виноградина.

– Мда-а... – протянул Макс, не веря своим глазам.

Каких-то полчаса назад он разговаривал с этим человеком по телефону, а теперь тот лежит на столе, уставившись невидящим взором в далекое далеко. Не отрывая глаз от фиолетового лица ученого, Макс попятился, пока не уперся спиной в шкаф. Сглотнул, полез дрожащей рукой в карман джинсов за телефоном.

Взгляд упал на системный блок компьютера – из USB-разъема торчала флешка. Макс наклонился и разглядел инициалы А. С. на ее корпусе. Он вынул накопитель и спрятал себе в карман, а затем набрал скорую. Коробку с вещами Саши так и не нашел.

Когда вышел из института, его стошнило. Едва успел отойти в сторону и склониться над кустами, растущими вдоль аллеи; желудок содрогался в спазмах, перед глазами стояло фиолетовое лицо Володарского. Через несколько минут все закончилось, он вытер носовым платком губы и подбородок и направился к ближайшему киоску, чтобы купить бутылку воды. Солнце выползло из облаков и пекло по-июльски жестко.

Сев за руль, он захлопнул дверцу, будто отгородился от всего мира. Слезы брызнули из глаз, но Макс тотчас заставил себя остановиться, зажал рот ладонью, давя рыдания. Никита лопнет со смеху. Черт, твою мать.

Он вытер мокрые глаза и надел солнцезащитные очки, затем раскупорил пол-литровую бутылку минералки и осушил ее залпом. Стало легче. Включил зажигание и медленно вырулил со стоянки.

Дорога домой заняла больше времени, поскольку теперь Макс педантично соблюдал скоростной режим. Желудок ныл и побаливал, в горле першило. Макс хмурил широкие русые брови, под бледной кожей пульсировали желваки, взгляд прилип к дороге, лишь изредка переключаясь на зеркала заднего вида. В памяти то и дело всплывало мертвое лицо; силясь вытолкнуть его из памяти, Макс возвращался мыслями к разговору с медиками скорой помощи и к объяснениям с районным следователем Кравченко, который тоже прибыл на место происшествия и, в соответствии с предварительным заключением врачей, зафиксировал смерть ученого как несчастный случай. Однако забрать вещи Макс не позволил, потому что не имел точных сведений о том, что из находящегося в кабинете действительно принадлежало Александру Смолу, а что институту. Предложил подождать пару дней и в середине недели заглянуть в лабораторию вновь, поговорить с руководством и забрать наконец вещи покойного брата. Макс не стал спорить: тон следователя не оставлял выбора. Пожав плечами, попрощался с полицейским; тот едва глянул на него и коротко кивнул, занятый своими бумажками.

Вскоре Макс вырулил на Гражданский проспект и еще через несколько минут припарковался на своем обычном месте возле дома. Вышел из машины, захлопнул дверцу и направился ко входу в подъезд, но миг спустя застыл, будто налетел на невидимую стену. На скамейке, закинув ногу на ногу и уперев взгляд в экран мобильного, сидела Снежана. Рыжие локоны обрамляли доброе круглое лицо и полыхали при свете дня, как красное золото, даром что скрытые от лучей солнца тенью раскидистого клена. Длинный белый сарафан прятал ноги до самых щиколоток, открывая лишь стопы, обутые в кожаные сандалии.

Макс широко улыбнулся: солнце снова выглянуло из-за туч, на этот раз не только на небе. С наслаждением вдохнул прогретый воздух, взглянул на голубое небо, на густую зеленую листву деревьев и вновь посмотрел на любимую. Та не отрывалась от экрана, что-то строчила большими пальцами, держа телефон обеими руками.

Не замечая соседских бабушек и мамочек с колясками, он неторопливо прошествовал к скамейке и рухнул рядом. Снежана ойкнула и воззрилась на него.

– Умеешь же ты делать сюрпризы, – с упреком проговорила она.

– Кто бы говорил, – Макс приобнял ее за плечи. – Какими судьбами в наших краях?

Снежана дописала сообщение и спрятала телефон в сумочку.

– Да вот, хотела удивить и свалиться тебе как снег на голову, но не тут-то было. Дожидаюсь тебя битый час на жару, вся взмокла.

– Вся? – хитро ухмыльнулся Макс.

– Вся. Идем уже, у меня не так много времени.

Он решил не портить настроение ни себе, ни ей пересказом случившегося в лаборатории, а потому молча поднялся, взял ее за руку и потянул за собой.

В подъезде они целовались, ожидая лифта, но скоро вынуждены были разомкнуть объятия: из-за раздвинувшихся створок появилась хмурая и вечно недовольная Надежда Павловна из квартиры этажом ниже. Сухо кивнув соседу, она окинула строгим взглядом раскрасневшуюся от поцелуев гостью, сжала тонкие губы и, что-то бормоча себе под нос, исчезла за входной дверью. Макс и Снежана вошли в лифт и, стоило дверцам сомкнуться, вновь заключили друг друга в объятия.

В квартире было свежо и прохладно: он благоразумно оставил кондиционер включенным с самого утра. Едва закрыв дверь, Макс обнял подругу и поцеловал в губы, но Снежана слегка отстранилась и смущенно прошептала:

– Да погоди ты, мне надо в душ.

– Нет, не надо, – прошептал Макс в ответ.

Снежана сделала еще одну попытку отстраниться, но он прижал ее к себе, жадно припал губами к нежной шее. Град жарких поцелуев вскружил ей голову, заставил сдаться и уступить...

Час спустя Макс дремал, то и дело всхрапывая и дергая при этом ногами. Женщина гладила его по спине, пальцы ее скользили по линиям шрамов. Тихо гудел кондиционер, шелестя потоками прохладного воздуха, с улицы доносились приглушенные звуки моторов и клаксонов, смех и визги малышни на детской площадке.

Макс открыл глаза и перевернулся на спину, тогда Снежана легла на бок и прижалась к любовнику всем телом, перекинув через него ногу.

– Я хотел сказать тебе... – неуверенно начал он, но она догадалась по тону и прижала палец к его губам.

– Не надо, Максим. Мы не должны этого говорить.

– Ты что, прочла мои мысли? Я хотел сказать именно *это*.

– Телепатия не нужна, ведь эти слова рвутся из меня тоже, но ты же знаешь...

– Знаю, – сказал Макс и процитировал часто повторяемую Снежаной фразу: – «Люди, которые любят друг друга, должны быть вместе. А мы не можем».

– Именно! А потому не стоит говорить о любви, если мы не в состоянии реализовать такое естественное ее проявление, как быть вместе.

– Говорить не стоит... а чувствовать-то можно?

– Можно. Над чувствами мы не властны.

Макс решил не продолжать. Они не раз говорили и даже спорили об этом, аргументы друг друга знали наизусть. Он сказал, накручивая на палец рыжие локоны:

– Я счастлив, когда ты рядом.

– Это я принять могу, – одобрила Снежана. – Я тоже.

Они помолчали. Мерное дыхание женщины щекотало кожу на его груди, мягкие пальцы нежно поглаживали острый, рассеченный шрамом подбородок.

– Никита не объявлялся? – вдруг спросила она.

– Пока ни слуху ни духу, – с усмешкой ответил Макс.

– Ну и слава богу! Он меня раздражает.

– Ну что ты, Никита хороший.

Она только фыркнула в ответ, но признала:

– Наверное, в самом деле хороший. Ты говорил, он тебя спас...

– Да, спас, – помрачнев, буркнул Макс.

– Прости, – сказала Снежана, заметив перемену настроения.

– Нормально. Если б не он, я бы загнулся в том долбаном детдоме.

Она промолчала, размышляя над его словами, прижалась к нему плотнее, обняла крепче, будто стремилась укрыть, защитить.

– А что Саша и приемные родители? – спросила она после недолгой паузы. – Они знали про Никиту?

– Нет, – покачал головой Макс, – никто. Они не приняли бы нас двоих. Но с Сашкой я сдружился довольно быстро, Никита даже ревновал немного, хоть и не признавался. Через год мы стали как всамделишные братья.

– Сколько тебе было, когда тебя усыновили?

– Тринадцать...

Снежана провела ладонью по гладко выбритой голове.

– Привычка бриться наголо – оттуда? – спросила она.

– С самого детства, – кивнул он. – Необходимость, которая стала привычкой.

– Божечки, бедный ты мой, – прошептала она.

Макс хмыкнул, проворчал:

– Только Никите такого не скажи.

– Да знаю уж...

Она помолчала, а затем решила сменить тему:

– Уверен насчет ребенка?

Он скосил на нее глаза, но Снежана рассматривала волосы на его груди, будто ждала ответа от них.

– Да. А ты?

Она вздохнула, но ничего не сказала. С неохотой отлипла от мужчины и, пошарив рукой по прикроватной тумбочке, взяла свой телефон, взглянула на экран.

– Мне пора. Он скоро вернется.

– Спасибо за сюрприз, – улыбнулся ей Макс. – Порадовала и удивила.

– Люблю удивлять, – промурлыкала она в ответ, а затем потянулась, встала и принялась одеваться.

Короткие мгновения счастья подходили к концу, Макс это чувствовал. В последнее время течение жизни стало ощущаться дискретно, скачками, – от свидания к свиданию. Разглядывая волнуемые изгибы подруги, которая расчесывала волосы перед зеркальной дверью гардероба, он думал о том, что человек живет, когда счастлив, в остальное время просто существует. А счастье, увы, непрерывным не бывает.

Глава третья

Несмотря на жаркий день, ночь выдалась прохладной. Воздух облепил стылými шупальцами полуобнаженное тело, медленно пробираясь под кожу и стремясь дотянуться до сердца, схватить его, сжать и заставить замереть. Но сердце, наоборот, колотилось о ребра, желая вырваться из заточения, гнало горячую кровь по венам, не позволяя холоду остудить тело.

Стоя в одних трусах на балконе, Макс дрожащими руками поднес к губам сигарету. Знал, что Никита ненавидит табак, но сейчас ему было все равно. Он затянулся и выдохнул в кристально чистый воздух струю дыма; блеклые звезды на мгновение скрылись в его завихрениях, однако тотчас засияли вновь. Никотин разбежался по клеточкам, даря легкое расслабление, иллюзию успокоения. Но сердце и правда перестало частить, пульс вернулся в норму, жуткие сцены из сновидения стали блекнуть перед внутренним взором и больше не бросали в дрожь.

Адская боль от раскаленного паяльника, чертящего линии на спине, уже не жгла мозг.

Макс докурив сигарету до самого фильтра и щелчком отправил окурок за перила балкона. Вернулся в квартиру и направился напрямиком в ванную – тщательно вымыть руки ароматическим мылом, чтобы избавиться от запаха табака. Затем почистил зубы, прополоскал рот листеринном и только тогда улегся в постель. Заснул под утро, но в восемь прокукарекал будильник.

Понедельник и куча дел ждали Макса с нетерпением – и Макс их тоже: работа позволяла отвлечься от скорбных мыслей о покойном брате. Звонки от старых и новых клиентов посыпались градом с самого утра, едва он открыл телефон на входящие. До обеда успел провести несколько консультаций, решить удаленно пару проблем с софтом и принять целых три заказа с выездом на дом – такая работа оплачивалась совсем по другому тарифу.

Когда натягивал брюки, собираясь на визит, из кармана выпал небольшой черный цилиндр.

– Здравсьте-счастье... – пробормотал Макс: он совсем забыл о флешке, которую забрал вчера из кабинета Володарского. Остаток воскресенья после ухода Снежаны он провел перед телевизором и с книгами, смакуя сладостное послевкусие от свидания с подругой.

Макс наклонился и подобрал накопитель, повертел в пальцах, а затем взглянул на часы: в запасе было минут двадцать. Застегнув ремень на брюках, он направился к письменному столу и поднял крышку ноутбука. Когда компьютер «проснулся», Макс вставил в него флешку, но тут раздался звонок в дверь. Он бросил быстрый взгляд на часы: до обеденного перерыва Снежаны оставалась еще пара часов, но всякое бывает.

Мысленно обрадовавшись, Макс заспешил в прихожую, щелкнул замком и распахнул дверь. У порога стоял невысокий плотный мужчина возрастом за пятьдесят с «ленинской» лысиной, в очках в толстой оправе и с небольшим кожаным портфельчиком в руке. Макс узнал следователя Кравченко; улыбка, заготовленная для Снежаны, бесследно испарилась.

– Добрый день, меня зовут Николай Кравченко, – представился следователь, – если помните, мы встречались вчера.

– Помню, конечно, – ответил Макс.

Лицо полицейского приобрело официально-номенклатурное выражение. Он укоризненно покачал головой и сказал:

- Ай-яй-яй, молодой человек, нехорошо.
- Что именно? – напрягся Макс.
- Воровать, да еще у жертвы несчастного случая.

Кравченко обежал цепким взглядом стоявшего перед ним мужчину в брюках и с голым торсом.

– Э-э...

– Даже не пытайтесь отпираться, гражданин Смолов, у меня есть видеозапись из камеры наблюдения в лаборатории. К несчастью для вас, в ее угол обзора попала и дверь в кабинет завлаба, которую вы оставили открытой. Так что давайте не будем...

Макс закусил губу и невольно попятился, а следователь шагнул вперед, но остановился у самого порога, идти дальше не посмел.

– Верните флешку, Смолов, – продолжал он, – и я не стану, так уж и быть, заводить дело и доставать вас повестками и обысками.

– Но она принадлежит... мм... принадлежала моему брату, – пролепетал Макс, чувствуя собственную беспомощность.

– Разберемся, – ответил Кравченко и повторил с нажимом: – Верните флешку. Вы получите ее обратно, когда мы изучим содержимое и убедимся, что она не принадлежит институту.

– Но она правда не институтская!

– Я не стану повторять, Смолов. Несите ее сюда и не тратьте мое и свое время.

Макс развернулся и направился в гостиную, цедя проклятия сквозь зубы и раздумывая, не вызвать ли Никиту. Потом мелькнула мысль обхитрить полицейского, но голос следователя разбил последнюю надежду:

– И не вздумайте подсунуть абы какую, мне известно, что на украденной вами должны быть инициалы А. С., так что без всякого там.

Макс заскрипел зубами, вынул накопитель из разъема ноутбука и вернулся в прихожую. Молча протянул следователю флешку, тот принял ее и внимательно осмотрел, а затем спрятал в карман пиджака.

– Не волнуйтесь вы так, – заметив бледность в лице Смолова, сказал Кравченко и смягчил тон: – Получите ее обратно через пару дней. Вот моя визитка, позвоните мне в среду после обеда, если я сам не свяжусь с вами раньше.

Макс молча кивнул и спрятал картонный прямоугольник в карман.

Распрощавшись со следователем, он вернулся в гостиную и рухнул в кресло. Ударил кулаком по столу и выругался. А потом принялся корить себя, что так бездумно забыл про накопитель и не успел даже скопировать содержимое на свой комп. Черт его теперь знает, что с флешкой станется, где она окажется, когда и как он получит ее обратно и получит ли вообще. А на ней, между прочим, исследование покойного Саши, и не просто исследование, а некое, по словам коллег, прорывное открытие. И похоже, на отнятой флешке содержится его единственный экземпляр, если Володарский не успел сохранить резервную копию в институтские базы данных. Ну что ты за лох и кретин, ругал себя Макс, кусая губы и сжимая кулаки.

Бросил взгляд на часы и подскочил – теперь он к клиенту опаздывал. Натянув футболку и схватив рюкзак, Макс выбежал из квартиры, на ходу успокаивая себя: может, все обойдется и он получит накопитель обратно, как и обещал следак?

Он провел рабочий день, мотаясь от заказчика к заказчику, исправляя компьютеры, налаживая сбоящие программы или излечивая операционные системы от вирусов. Последний клиент времени занял особенно много – Максиму пришлось собирать системный блок из отдельных деталей, а потом запускать и настраивать «Виндоуз» с нуля.

Домой он вернулся под вечер усталый и злой. Открыл пакет жидкого йогурта, выпил залпом, закусил бутербродом, а затем заварил себе эспрессо, лег на кровать и включил телевизор.

Слушая одним ухом выпуск новостей, Макс попивал горький кофе и мысленно планировал завтрашний день. Звякнул мобильник, докладывая о поступившем на ватсап сообщении. Открыв окно чата, Макс прочел несколько строк от Снежаны, которая извинялась за то, что не смогла зайти к нему в перерыве и даже не предупредила. Объяснила, что *он* приехал к ней в офис и потащил на обед в ресторан, а потом заставил отпроситься с работы и дальше не отлипал от нее остаток дня. Похоже, чует неладное, пытается укрепить отношения, поделилась она предположением под конец. Макс собрался было съязвить в ответ и пожелать ей веселой ночи, но вовремя успел прочесть еще одно послание от подруги: она просила ничего не писать в ответ. Значит, была сейчас не одна.

Макс отключил телефон и раздраженно швырнул его на тумбочку. Скрестив руки на груди, уставился в экран телевизора. Диктор рассказал о новых санкциях Госдепа, потом перешел к вспышкам на Энцеладе, которые астрономы по-прежнему не могли объяснить, и закончил выпуск новостью о том, что туристы, пропавшие на днях в Кашкулакской пещере, наконец нашлись. Как оказалось, они случайно отстали от группы и заблудились во время экскурсии, а затем провалились в расщелину и в течение двух суток пытались оттуда выбраться. Однако чувствуют они себя, как ни странно, хорошо и в медицинской помощи не нуждаются. Режиссеры продемонстрировали фотографии трех бедолаг. Макс разглядел на экране бледного молодого мужчину с длинной русой бородой, светловолосую и голубоглазую женщину и смуглого щекастого мужичка с маленькими черными глазками.

Под конец диктор сообщил, что Геннадий Султанов, экскурсовод, который водил группу в пещеру, погиб вчера в результате несчастного случая, когда на глазах у десятка человек оступился и упал с обрыва во время экскурсии на гору Чалпан.

Выпуск новостей завершился рекламным блоком, за которым последовал художественный фильм. Макс выключил телевизор и уставился в потолок. Затем взял телефон в руки, повертел, раздумывая, но в конце концов включил – новых сообщений в ватсапе не было, равно как и в мейле. Переведя телефон в беззвучный режим, он погасил свет и погрузился в сон.

Страшно. Больно. Грубая рука хватает его за волосы и тянет вниз, опускает на колени, а потом тянет, волочет за собой, заставляет ползти, кричать от боли, которая разбегается по всей голове, стреляет острыми иглами в шею и спину. В темном, заросшем паутиной и плесенью углу рука продолжает тянуть волосы, дергать из стороны в сторону, а затем опускает голову вниз к самому полу. Пыльный ботинок оказывается под носом, а грубый голос приказывает его лизать, не отпускает схваченные в кулак волосы. Что-то острое кромсает спину, дикий вопль вырывается из глотки...

– Сука-а! – проревел Макс и, дернувшись, распахнул глаза.

Комната тонула во мраке. За окном барабанил дождь, откуда-то издалека доносились приглушенные раскаты грома.

Макс все еще тяжело дышал, глядя в потолок. Слава богу, хоть ночь поспал нормально, проснулся лишь под утро. Он взглянул на часы – до кукареканья будильника оставалось минут сорок, но Макс тем не менее выполз из постели и потащился в ванную.

Некоторое время спустя он просматривал на телефоне поступившие на сегодня заказы. «Вторник отличается от понедельника лишь названием, в остальном те же яйца, только в профиль» – так говаривал Никита, и, глядя на расписание, Макс понимал, что тот был прав.

Перед самым выходом из дома в телефоне звякнуло сообщение от Снежаны – пообещала заглянуть в перерыве. У Макса потеплело внутри, он невольно улыбнулся, перечитывая щедро одобренные смайликами строки. Вчерашнее раздражение как рукой сняло.

Пока работал, поглядывал краем глаза на телефон, ожидая звонка от следователя, но Кравченко молчал. Макс начинал волноваться, но напоминал себе, что флешку обещали вернуть в среду после обеда, а сейчас еще только вторник.

К часу дня дождь перестал, но плотное свинцовое одеяло погрузило город в сумрак, создавая в душах многих скверное настроение. Если б не предстоящее свидание с любимой, Макс стал бы одним из них. Он вернулся домой в начале второго, и, словно по волшебству, Снежана сообщила, что уже подъезжает и будет в его объятиях через три-четыре минуты. Так и случилось.

Он обнял подругу в прихожей, едва за ней захлопнулась дверь. Приник к ее губам своими, она ответила на поцелуй. Так они простояли несколько минут, не отликая друг от друга.

Наконец Снежана попыталась отстраниться, прошептала:

– погоди, я не для этого пришла. Нам надо поговорить, это очень важно...

– Позже, – ответил Макс, прижимая ее к себе.

Он несколькими резкими движениями сорвал с нее короткое летнее платьице и потащил к кровати...

Полчаса спустя они сидели за столом на кухне и пили чай. На Максе были лишь брюки, а Снежана завернулась в полотенце после душа. Она безмолвно отхлебывала горячий напиток, поглядывая на любовника, который хмуро катал по столу хлебные крошки и скидывал их на пол.

– Прости, милый, – промолвила она наконец.

Макс покивал, но ничего не сказал. Взял чашку в обе ладони, будто грел руки, подул.

Она сказала вновь:

– Прости, пожалуйста.

Он насупился и промолчал, но она смотрела требовательно, ожидая ответа, хоть какой-то реакции на то важное, о чем поведала несколько минут назад.

– Пойми, так надо, – настаивала Снежана, – я не могу по-другому.

Макс вздохнул – от молчаться не удастся – и сказал:

– Понимаю, ты не хочешь ему гадить. Окей, это я принять могу. Но при чем здесь ребенок?

– Максик, милый мой, как же ты не понимаешь, ребенок и будет самой большой гадостью с моей стороны, большей, чем все остальное.

– Значит, его надо убить?

Снежана вздрогнула при этих словах, взглянула на любовника возмущенно, но миг спустя виновато, тоскливо, даже обреченно. Она потупила взор, а когда подняла глаза, в них стояли слезы.

– Это... – проговорила женщина, – ...это будет меньшим злом.

– Ага, скажи это ребенку.

– Господи...

Снежана закрыла лицо руками, Макс напрягся, но рыданий не услышал. Она просидела так несколько минут, а когда отняла ладони, глаза были сухи и скорбны.

– Меньшим или нет, но я не могу так плюнуть в душу человеку, который, в принципе, не сделал мне ничего плохого и который ни в чем не виноват. Так уж вышло, что ты и я встретились в тот день, когда в нашем офисе полетели все компы. Мы с тобой не виноваты, что понравились друг другу. Да, я решила поддаться страсти и пойти дальше, переступить грань. Моя вина, что я это сделала, но ее нет в том, что я этого так сильно *желала*...

Макс помотал головой.

– Мы не на суде, при чем здесь вина? Каждый из нас троих внес свою маленькую или большую лепту в ту ситуацию, в которой мы сейчас оказались. Единственный, кто в самом деле ни в чем не виноват, это...

Он осекся, поняв, что вот-вот уколет любимую женщину туда, где больно. Снежана тряхнула рыжими кудрями, серые глаза вновь заблестели. Дрожащим голосом она выдавила:

– Да, это ребенок. Можешь не продолжать, сама знаю. – Она наклонилась над столом, заглянула в глаза любимому: – Но пойми же ты наконец, я не смогу выносить и родить ребенка и при этом солгать мужу, что он от него. Я и так чувствую себя шлюхой, а если такое сделаю, стану говном последним.

Макс грохнул чашкой об стол, фарфор выдержал, но чай расплескался, потек коричневыми струйками и собрался в лужицу вокруг чашки. Он встал, принялся мерить шагами тесную кухню, потом остановился у окна, выглянул во двор. Проливной дождь смыл бабулек и мамочек с колясками, детская площадка опустела, редкие прохожие шли, перепрыгивая через широкие лужи.

Макс повернулся к подруге, скрестил руки на обнаженной груди.

– Ты говорила, что счастлива со мной, – сказал он резко, чем хотелось. – Почему бы тебе просто не уйти от него? В мире ежедневно распадаются тысячи пар, вы могли бы стать одной из них, что здесь такого?!

– По-твоему, я не думала об этом, Макс? – воскликнула Снежана. – Каждый божий день! Но...

– Но?

– Мы с тобой говорили как-то об этом, помнишь? Прости, понимаю, тебе, наверное, не очень приятно это слышать, но я скажу. Он... он меня любит, сильно любит, и мы вместе уже очень долго. Заботится, оберегает и вообще относится прекрасно, чуть ли не на руках носит. А сколько он сделал для меня в прошлом, Макс, знал бы ты только! Он же вытащил меня из такого дерьма! Без него я бы просто сдохла, он был рядом, когда мне было очень-очень плохо; помог моим родителям еще тогда, в девяностых, когда у них...

– Снежок, – оборвал поток возбужденных слов Макс, – скажи просто: ты его любишь?

Снежана запнулась, ее взгляд забегал по шкафам, по столу, по пролитому чаю и остановился на Максе.

– Ну, думаю, да... наверное... – протянула она и дернула голыми плечами.

Макс усмехнулся, но без издевки, скорее удовлетворенно, потому что получил ожидаемый ответ на давно волновавший его вопрос.

– «Думаю» и «наверное», – произнес он с некоторым торжеством. – Мне продолжить или сама поняла?

Снежана молчала, глядя в сторону.

– Проще говоря, ты живешь с ним лишь из чувства благодарности. Ну и потому что привыкла. И все.

Женщина метнула в любовника острый, как игла, взгляд, но возразить ничего не смогла. Пряча глаза, она медленно поднялась из-за стола и удалилась в ванную.

– Ч-черт, – процедил Макс, закусив губу.

Снежана появилась через несколько минут – в белом платье, причесанная и с макияжем – и понуро направилась в прихожую. Макс двинулся следом, хмурясь и не зная, что сказать. У самой двери она заскользнула в босоножки, сняла с вешалки сумочку и шелкнула дверным замком. Мужчина подошел почти вплотную, захотел обнять, но не решился. «Неужели так и расстанемся?» – мелькнула у него паническая мысль.

Открыв дверь и стоя на пороге, Снежана обернулась и посмотрела Максиму прямо в глаза.

– Знаешь, – промолвила она тихо, – этого не так уж и мало.

Она развернулась и зацокала каблучками по ступенькам. Первым позывом у Макса было броситься за ней и остановить, вернуть или хотя бы прокричать вслед извинения. Но слова застряли в горле: глупо просить прощения, когда прав.

Глава четвертая

Ночь прошла на удивление спокойно. Макс проспал беспробудно до самого утра без всяких сновидений. Проснулся свежий и бодрый, но хорошее настроение скоро улетучилось: Снежана хранила молчание, молчал и следователь.

Макс решил написать подруге первым. Поостерегся слать сообщение на ватсап, не уверенный, что она одна, а потому черкнул пару строк мейлом и сказал, что скучает, любит и ждет от нее с нетерпением хотя бы нескольких слов, а еще лучше – звонка. Но ответом было короткое бесстрастное «ок».

Лучше бы ничего не писала вовсе.

В этот день заказов с выездом на дом не поступило, и Макс все утро провел за своим рабочим столом. Кравченко так и не позвонил. Время тянулось как кисель и скоро доползло до обеденного. Тогда Макс взял в руки визитку следователя и телефон, принялся набирать номер. Насчитал двенадцать гудков, прежде чем на том конце ответил женский голос:

– Телефон Николая Кравченко, следователя третьего отдела полиции Петроградского района, у аппарата секретарь отдела Юлия Никодимова, чем могу помочь?

– Э-э... – Макс опешил, замялся, затем выдал: – Добрый день, простите, но мне необходимо поговорить со следователем Кравченко, он сказал, чтобы я перезвонил в среду в обед. На том конце повисла тишина. Молчали несколько секунд, затем голос сказал:

– А-а... по какому вопросу?

Макс нахмурился, хотел было поинтересоваться, с какой стати она отвечает за Кравченко, но решил не нарываться и просто объяснил:

– Я должен был получить обратно мою флешку... точнее, она моего брата... э-э... покойного брата. Кравченко забрал ее и сказал, что проверит и чтобы я в среду...

– Ах, флешку, – протянула Никодимова, и голос ее приобрел печальные нотки: – Вы Максим Смолов?

– Да, он самый!

Собеседница помолчала, потом скорбно проговорила:

– Николай Петрович погиб вчера...

– Что?!

– Как раз занимался делом лаборатории Института мозга, – продолжала Никодимова, словно не услышала восклицания, – в том числе работал с данными на флешке Александра Смолова, и вот...

У Макса похолодело внутри, в горле встал комок. Сглотнув, он выдал:

– А... кхем... а что случилось-то?

– Нелепый случай, – ее голос дрогнул, – у нас в кабинете совсем недавно вымыли полы, было скользко, вот он и поскользнулся, когда торопился к своему компьютеру, и прямо на металлические картотечные шкафы, виском об угол.

– Блин!

– Скончался на месте. С флешкой в руках.

– Б-блин... – повторил Макс, не веря своим ушам; казалось, его троллят. – Ужас просто!

– Да, – вздохнула Никодимова, – такие дела.

– Соболезную. – Макс кашлянул. – Так что насчет моей флешки? Я могу ее забрать?

– Разумеется! Как только новый следователь примет дела покойного Кравченко, мы вас известим. Оставьте, пожалуйста, ваши контактные данные.

– А скоро это будет?

– Не знаю, – в голосе Никодимовой послышалось нетерпение, – на следующей неделе совещание, тогда и решат, наверное. Так что, оставляете данные?

Макс продиктовал номер своего телефона и распрощался. Побарабанив в задумчивости пальцами по столу, встал и подошел к окну, выглянул во двор.

В душе леденела пустота. На улице было ветрено, солнце то и дело пряталось за проплывающими по небу облаками, будто играло с людьми в прятки. Мысли бежали вскачь, перепрыгивая через барьеры логики и здравого смысла. Макс никогда в темные силы не верил, да и вообще был далек от всего потустороннего, но теперь, после того, что услышал и узнал, никак не мог избавиться от ощущения, что на флешку (или на ее содержимое?) наложено проклятье. Звучит, конечно, нелепо, смехотворно и напоминает дешевые ужастики, но в то же время думать о происшедших событиях, как о случайных совпадениях, тоже не получалось. Теперь он сомневался, что хочет как можно скорее получить флешку обратно. Мелькнула абсурдная мысль отомстить накопителю в церкви, когда его вернут. Но в следующую секунду он обсмеял собственную идею, даже стало стыдно. Несмотря на то что в душу медленно проползали ледяные щупальца страха, он знал, что любопытство не даст ему отступить.

Интересно, что об этом скажет Никита? Поржет, наверное, и отплюется. Решив не позориться, Макс отбросил тревожные мысли о сверхъестественном и отправился в кухню готовить себе ленч.

Кроме утреннего «ок», Снежана больше ничего не написала. Звонков от нее тоже не поступало. Макс решил проявить сдержанность, подождать и попробовать связаться ней завтра. А сегодня набрал Тамару и справился, как у нее дела и состоялось ли вскрытие. Невестка рассказала, что слегла с нервным истощением и депрессией, но родители – как ее, так и Сашины – помогают, а мама даже временно переехала к ней на квартиру, чтобы позаботиться о внучке, пока Тамара отходит от стресса. Макс предложил свою помощь, но она вежливо отказалась, заявив, что получает все необходимое. Затем сообщила, что похороны назначены на воскресенье в три часа, сбор без четверти у морга. Макс, естественно, пообещал явиться в срок. Под конец разговора осведомился об окончательном заключении патологоанатомов. Тамара рассказала, что врачи подтвердили предварительный диагноз внезапной аритмической смерти, обнаружив при вскрытии следы фибрилляции желудочков и желудочковой тахикардии. Что конкретно это означает, она не поняла (Макс не понял тоже), но таково было заключение врачей. Хоть оно и звучало странно с учетом здорового образа жизни Александра, но не принимать его не было никаких оснований, тем более что вскрытие все же провели, а значит, это – точные данные, а не предположения. Со словами: «До встречи в воскресенье!» Макс повесил трубку и отправился в душ.

Вечером улегся в постель в мрачном настроении. Как всегда, включил телик и тупо уставился в экран, для чтения книг не доставало подходящего настроения. Хотелось скоротать оставшиеся пару часов до сна, поскорее провалиться в забытие, чтобы наконец наступило завтра, – и позвонить Снежане.

В новостях не сказали ничего примечательного, кроме короткого интервью с тремя незадачливыми туристами, пропавшими и нашедшимися в Хакасии. Они подтвердили, что чувствуют себя превосходно и ни в какой помощи не нуждаются, а также поведали о своих планах продолжить путешествие по России и посетить достопримечательности в Санкт-Петербурге и Москве. Корреспондент велела им беречь себя, пожелала удачного пути и попрощалась с телезрителями.

Макс хмыкнул и покачал головой. И чего людям дома не сидится?

Страшно. Больно. Удары сыплются один за другим, обожженная спина горит огнем, в носу вонь расплавленной канифоли. Несколько пар рук держат крепко, заламывают локти до хруста в суставах. Удары, удары, удары. Дикий хохот, чей-то голос предлагает «пожарить яичницу», в ответ веселое нетерпеливое поддакивание. С него стаскивают штаны, раздвигают ему ноги. На каждую попытку вырваться – удар сильнее обычного. Что-то твердое, металлическое, бьет по подбородку, громко клацают зубы. Выкрик: «Давай, начинай!»

Чья-то ладонь дает оплеуху, шлепает по правой щеке, и это – словно последняя капля, а затем затмение, и мир меркнет, тонет в темной воде, но выныривает миг спустя совсем другим...

Макс проснулся от собственного крика, сел в постели, с опаской огляделся вокруг. По комнате ходили тени, слышались шорохи и вздохи, в темных углах мерцали огоньки. Он зажмурился, помотал головой, зажал ладонями уши. Затем медленно приоткрыл глаза. Спальня постепенно возвращала свой естественный вид, будто тоже просыпалась ото сна: тени исчезали, огни гасли, звуки затихали.

Макс взял в руки телефон, посмотрел на экран – без четверти четыре. За окном светало, но до восхода еще оставалось больше часа. Он рухнул на подушку, тяжело дыша. Перед внутренним взором по-прежнему плыли воспоминания и жгли мозг яростным огнем. Сон, явь – все едино. Чтобы хоть как-то отвлечься, Макс открыл на телефоне альбом с фотографиями Снежаны и принялся листать. На душе потеплело, ужас стал понемногу отступать обратно в глубины разума, словно кромка воды при отливе.

Милый сердцу образ рыжеволосой женщины замелькал перед глазами быстрым калейдоскопом: яркая солнечная улыбка и лицо крупным планом, горбатый нос в веснушках; дальний план – она на скамейке в парке с букетом цветов, в коротком пестром платье, ноги, закинутые одна на другую, кажутся ослепительно белыми в солнечном свете; следующую фотку делал не Макс, он выпросил ее у Снежаны: она на морском берегу, на фоне седых накатывающих волн, высокая и стройная, но в то же время чуть полноватая, выпуклые формы в откровенном купальнике соблазняют, дразнят; вот Снежана на кухне Макса с чашкой чая в руках, смотрит снизу вверх, на пухлых губах застыла укорищенная полуулыбка – мол, опять снимаешь, может хватит? А на этой она и не подозревает, что ее снимают, – в кафе за столиком, взгляд в сторону, выражение на лице задумчивое, чуть озабоченное, но глаза под этим углом удивительно красивые, серые, как осеннее небо над Питером, в руке вилка, которой ковыряется в пирожном...

Макс ощутил, что улыбается. Стало хорошо. Повалялся в постели еще, разглядывая фотки, старые и новые, но с дурными воспоминаниями так просто не совладать. Он встал и включил в комнате свет. Затем направился к письменному столу, скрежетнул ключом и, выдвинув ящик, стал ворошить содержимое. Из-под кучи бумаг достал на свет потертую красную папку старомодного вида, развороты которой завязывались на тесемки. Дернув за кончик, он распустил бант и открыл ее. По телу пробежала дрожь, когда взгляд упал на вырезку из газетной статьи многолетней давности. Узнал лицо Никиты на зернистой черно-белой фотографии, прочел страшный заголовок прямо под ней.

– Твою мать, твою мать, твою мать... – бормотал он, в сотый раз пробегая строки глазами.

В душе стало спокойно. Фотки Снежаны подарили тепло и нежность, а содержание газетной статьи – спокойствие. Когда кошмары мучали особенно сильно – так, что становилось совсем невмоготу, – он всегда доставал красную папку. Помогало.

Спать уже не хотелось, да и не могло, но дикий голод дал о себе знать – вдруг и внезапно. Макс оставил папку на столе и поспешил в кухню. Решив сегодня не утомлять себя ЗОЖем, пожарил омлет с беконом и грибами, заварил огромную чашку кофе со сливками и принялся изгонять из души последние ошметки негатива.

Всю первую половину дня Макс провел в работе и в волнительном ожидании звонка или эсэмэски от Снежаны. Также не проходила и слабая надежда на то, что полиция вернет флешку, оперативно решив внутренние бюрократические вопросы. Теперь, когда иррациональные мысли и глупые страхи отпустили, любопытство вновь взяло верх. Возникло и некое упрямство: прочесть работу Саши стало теперь чуть ли не делом принципа, и неважно, что Макс был настолько же далек от нейробиологии, насколько и от любой другой дисциплины, кроме, разумеется, информатики. Следовало просто набраться терпения; не изводить себя суевериями (в жизни все-таки случаются невероятные совпадения), а дожидаться, получить флешку и, наконец, прочесть то, чем так восторгался Володарский.

Макс успел до обеда позвонить родителям и справиться об их самочувствии. Понятное дело, и отец, и мать находились в подавленном состоянии и готовились к похоронам. Макс пообещал заехать к ним завтра после работы, надеясь облегчить их горе и отвлечь от страшных мыслей.

На часах начало второго, от Снежаны ни слуху ни духу. Макс отключил рабочий телефон и отправился в кухню, чтобы соорудить себе ленч, но небольшой – ощущение сытости после плотного завтрака едва начало проходить. Однако до кухни не дошел, остановил звонок в дверь. Он развернулся и направился в прихожую, размышляя по пути, кто бы это мог быть? Не она ли? Заглянул в окуляр глазка. Она!

Макс распахнул дверь и чуть было не зажмурился от яркого света, исходящего бело-снежным лицом в обрамлении огненных волос.

– Ты... – пролепетал он, глупо улыбаясь.

Снежана молча приблизилась и приникла к его губам своими. Они целовались прямо на пороге несколько минут, пока не услышали чьи-то шаги на лестнице. Макс затащил подругу в квартиру и запер дверь.

– Наконец-то, – прохрипел он, сжимая ее в объятиях, – как же я скучал...

– Я тоже.

Наслаждаясь его поцелуями и крепкими горячими руками, прижимаясь к нему всем телом, Снежана сквозь частые придыхания зашептала:

– Милый, прости... но я... я решила...

Макс продолжал целовать ей шею и расстегивать пуговицы на блузке.

– Я сделаю... это... – проговорила женщина.

Он слегка отстранился, посмотрел ей в глаза. В них читались вина и сожаление, но в то же время некий вызов, которым она утверждала свое право на собственную трактовку этического равновесия. В ее взгляде Макс прочел даже толику недоуменного возмущения, какое могло бы возникнуть у циркача на канате, которому предложили упасть налево или направо.

Он смотрел на Снежану долго и пристально, прямо в глаза, будто пытался прочесть что-то еще, проникнуть в ее мозг и покопаться в нейронах, а может, переставить их в другом порядке, чтобы она сменила свое решение и заявила совсем об ином.

Наконец Макс отпустил ее, но не отдалился. Сказал ровным голосом:

– Ладно, будь по-твоему.

Она с облегчением закрыла глаза и прильнула к нему, прижалась щекой к крепкому жилистому плечу.

– Когда? – спросил он, устроив подбородок на ее макушке.

– На днях. Тянуть нельзя.

– Угу...

– Макс, знаю, что нарушаю собственные правила, но просто не могу молчать, скажу: я тебя очень люблю, никогда никого так не любила, как тебя. Это правда! Но поступить с беременностью иначе просто не могу. Пожалуйста, пойми!

Он молчал.

– Пожалуйста...

– Да понимаю я все, понимаю, не дурак же, просто... Ладно, говорили уже, и не раз.

Она вздохнула, соглашаясь.

– Чем-то помочь? Денег, может?

– Не надо, я все сделаю сама. Это мой выбор, мое решение.

– Да, но это же наше общее...

– Нет, Макс, я сама. Прошу, так надо.

Вместо ответа он обхватил ее крепче, она подняла к нему лицо. Они вновь сомкнули губы в страстном поцелуе.

Бессонная ночь и долгий бурный секс сделали свое дело. Наступившее расслабление плавно перетекло в дремоту, и Макс незаметно для себя забылся сном, обвитый руками и ногами любимой женщины, укрытый одеялом из ее роскошных локонов. Он не помнил, сколько времени так пролежал, но скоро сквозь сон ощутил, как Снежана выскользнула из-под его плеча и на цыпочках удалилась в ванную. Он задремал вновь, но вздрогнул от неожиданного всхлипа. С трудом разлепив веки, повернул голову и обнаружил подругу, обмотанную полотенцем, возле письменного стола. В руках ее подрагивала красная папка, на лице застыло выражение ужаса, губы беззвучно шевелились.

– Господи... – прошептала она и медленно обернулась к Макс, встретила его напряженный взгляд.

Он приподнялся на локте, хмуро бросил:

– Теперь ты знаешь все.

– Макс... – промолвила она, всматриваясь в его лицо широко распахнутыми глазами, – Макс, это... это все ты?!

Он помотал головой. Снежана вернулась к папке, прочла заголовок:

– «Зверское убийство четырех подростков в новосибирском детском доме-интернате». –

Она бросила короткий взгляд на Макса и вернулась к статье, принялась читать вслух, выделяя ключевые фразы: – «Один из детей забит до смерти... у другого выколоты глаза и отсечены половые органы...» Боже! Так, вот еще: «У мальчика множественные ножевые ранения... последней жертве в гортань вставлен...» о господи... «вставлен паяльник, ребенок скончался от ожогов и внутренних разрывов тканей... Убийства произошли в один день. В совершении преступления подозревается один из обитателей интерната, у которого, по словам директора, не раз возникали конфликты с каждым из погибших». Боже, Макс, что это?!

Он вскочил с кровати, прошагал к столу и выхватил из ее рук папку. Сердце застучало, в мыслях всколыхнулись образы из ночных кошмаров. Снежана не сводила с него блестящих глаз, смотрела так, будто ждала, что он скажет: «Это фейк, но ведь прикольно, правда?» Но миг спустя в ее взгляде стало медленно проступать понимание, как на фотобумаге при проявлении возникает изображение.

– Это Никита, – коротко объяснил Макс, но мог бы этого не делать. Подруга молча покивала и тихо проговорила:

– Он спас тебя, да. Но сотворить такое... – Она помолчала, затем задумчиво добавила: – Хотя кто я, чтобы судить.

– Как мог, так и спас, – хмуро пробурчал Макс, завязывая тесемки. – По-другому не получилось.

Снежана приблизилась к любимому, обняла, прижала к себе. Он бросил папку в ящик стола и сомкнул руки вокруг ее талии.

– Но, наверное, лучше так, чем никак, – сказала она.

Макс молчал, вдыхая аромат ее кожи. Сердце замедляло ритм, спокойствие возвращало соматику в норму, и в мозгу звучала радостная мысль: «Я спасен, опасности больше нет, ужас исчез, больно уже не будет».

Они простояли в обнимку несколько минут, затем Снежана спросила:

– Как он отмазался?

Макс дернул плечами.

– Кто что докажет? Свидетелей не было, Никита не дурак.

– Божечки, через что тебе пришлось пройти!

– Все позади.

Снежана поцеловала его и отпустила, выскользнула из нежных объятий. Сбросив полотенце, принялась собирать раскиданную по комнате одежду. Некоторое время Макс наблюдал за тем, как она одевается, но вскоре не выдержал, шагнул к ней, однако женщина помотала головой и виновато улыбнулась, постучав указательным пальцем по запястью.

Счастье всегда конечно, все остальное может длиться сколько угодно.

Глава пятая

Пятница выдалась дождливой. Ветер хлестал холодными каплями по лицу, когда Макс, промокший, голодный и усталый, торопливо вышагивал по Октябрьской набережной, посматривая из-под низко надвинутого козырька бейсболки на серые воды Невы. Дождь то и дело пытался проникнуть под его голубую ветровку и вымочить спину; скоро Макс это надоело, и он, чертыхнувшись, накинул капюшон и засунул руки в карманы. Мимо проносились легко-вушки, автобусы, грузовики; беспрестанный шелест колес по мокрому асфальту раздражал и давил на слух. До места, где он припарковал свою мазду, оставалась пара сотен метров.

Макс провозился с заказом в одном из офисов в центре все утро, и теперь был голоден; собирался, добравшись до машины, нагуглить какую-нибудь кафешку поблизости, чтобы перекусить перед продолжением рабочего дня. Бордовый капот, вымытый дождем и отполированный ветром, бросился в глаза издали. Макс заметил, что на капот по-хозяйски уселся незнакомый темноволосый парень, щуплый и невысокий на вид. Скрестив руки на груди, он внимательно наблюдал за приближающимся хозяином автомобиля.

Подойдя ближе, Макс понял, что перед ним не парень, а девушка, постриженная под мальчика, с узким угловатым лицом, черными глазами и длинным тонким носом. Слегка оттопыренные уши придавали облику некоторую комичность, но взгляд был цепким, пристальным, жестким, как гамма-лучи. В простой серой футболке, холщевых брюках хаки с боковыми карманами и потрепанных белых кроссовках она действительно больше походила на парня; женщину в ней выдавали лишь тонкие черты лица, черный маникюр и бретельки бюстгалтера, заметные под промокнувшей тканью.

Макс остановился и, сдвинув брови, требовательно уставился на нахалку. Девушка прыгнула с капота и сделала шаг навстречу. Она, казалось, не замечала ни ветра, ни дождя.

– Максим Смоллов? – спросила незнакомка, глядя на хмурящегося мужчину снизу вверх.

– Допустим, – буркнул он, – вы кто?

– Есть разговор. Может, сядем?

Она кивнула на машину.

– Я спрашиваю, вы кто?

Девушка стрельнула глазами по сторонам, затем со вздохом запустила руку в задний карман брюк и достала синий прямоугольник.

– Майор ФСБ Анастасия Гонцова, – отчеканила она, развернув удостоверение.

Макс взгляделся в фотографию казенного образца, на которой Анастасия была в униформе, затем попытался запомнить номер удостоверения, но девушка решила, что с него хватит, и захлопнула корочку, спрятала в карман.

– Такая молодая и уже майор, – одобрительно заметил Макс, – круто.

Анастасия прищурилась, всматриваясь в его лицо, но не увидела и намека на заигрывание, поняла, что его слова – не комплимент, а искреннее удивление.

– Я не такая молодая, как кажется, – ответила она, чуть смягчившись. – Присядем?

Макс кивнул и взялся за ручку двери, система «килесс» отперла машину. Он сел на место водителя, фээсбэшница опустила на пассажирское сиденье и захлопнула дверцу. Стало тихо, сухо и тепло. Макс завел двигатель, и через пару минут в салон потекли струи горячего воздуха.

– Итак, что я натворил? – начал он, повернувшись к майору.

– Пока ничего, – сказала Гонцова, пристально глядя в собеседника. – Наверное. Но у меня есть к вам несколько вопросов, и я ожидаю от вас честных, откровенных ответов.

– Постараюсь, – искренне пообещал Макс, покусывая губы, – но ничего не гарантирую.

Майор чуть нахмурилась, но, очевидно, решила не начинать разговор с прессинга. Сохраняя вежливый тон, сказала:

– Уж постарайтесь. Дело в том, что вам может угрожать опасность.

– Мне?

– Да.

– С чего бы?

Она, наверное, вообще понятия не имеет, что такое опасность, мелькнула невольная мысль. Однако внутри от ее слов похолодело.

– Максим... я могу вас так называть? Скажите, Максим, с вами в последние дни связывались незнакомые люди?

– Со мной регулярно, каждый божий день, связываются незнакомые люди, – честно признал он.

Гонцова нахмурилась и насторожилась.

– Кто именно?

– Да всякие... новые заказчики, бухгалтера корпоративных клиентов или...

– Нет, я не о том. Не по работе, а в частной жизни.

Макс отрицательно покачал головой.

– А с вашим сводным братом? Его же Александром звали, не так ли?

Он стиснул зубы и посмотрел в сторону. Анастасия терпеливо ждала ответа, не сводя с него глаз.

– Может, он вам что-то рассказывал? – не выдержала она через минуту. – Или его супруга?

– Нет, не знаю, – мотнул головой Макс, – никто не контактировал, насколько мне известно. Со мной уж точно никто.

Гонцова помолчала несколько мгновений, пристально рассматривая его, а затем развернулась к нему всем корпусом и достала из широкого бокового кармана телефон.

Макс прислушивался к завываниям из своего желудка и с нетерпением ждал окончания этого странного разговора. Под пронзительным взглядом молодой женщины он чувствовал себя неуютно. А тут она еще принялась копаться в телефоне, ничего не объясняя. Он стал прикидывать, как бы поскорее отделаться от фээсбэшницы и отправиться обедать, но та наконец оторвалась от сотового и спросила:

– Вы когда-нибудь встречали этого человека?

С этими словами она развернула к нему аппарат, демонстрируя фотографию.

На экране Макс увидел мужчину приятной наружности с коротко стриженными русыми волосами и длинной бородой. В его больших голубых глазах светилось нечто, что Макс мог

бы описать словосочетанием «отеческая доброта». Несмотря на это выражение и на обильную растительность на лице, мужчина выглядел молодо, ему можно было дать не более двадцати восьми, тридцати лет. Он показался Максу знакомым, но где они могли встречаться, когда и при каких обстоятельствах, не припоминалось.

Макс так и сказал фээсбэшнице, на что та с легкой укоризной в голосе предложила:

– Взгляните еще, внимательнее.

Он приподнял брови, снова уставился на фотографию.

– Его зовут Дмитрий Иволгин, – подсказала Гонцова, как будто собеседник не мог вспомнить только имя, а затем добавила: – Москвич. Воспитанник Сретенской духовной семинарии.

Макс только пожал плечами.

– За новостями не следите?

– Точно! – воскликнул он, узнав в бородаче героя репортажа про туристов-неудачников. – Его же на днях показывали по телику. С ним еще девушка и мужик смуглый.

– Да-да, – покивала с облегчением майор и легким движением пальца перелистнула фотографию. Теперь с экрана улыбалась блондинка с бледным квадратным лицом и светлыми глазами. – А это Линн Хольмберг, гражданка Швеции. И наконец, – еще одно движение пальца, – Джеймс Монтана из Соединенных Штатов.

– Да, я их знаю, – признал Макс, – но только по репортажам из новостей.

– Они не пытались с вами связаться? Или с вашим братом?

Он недоуменно покачал головой, вылупился на фээсбэшницу и проговорил:

– Нет, с чего бы?

Она хмыкнула и спрятала телефон, села на сиденье ровно. Погрузилась в раздумья, глядя в окно на проносящиеся неподалеку автомобили. Дождь перестал, но ветер продолжал раскачивать линии электропередач, колыхать дорожные знаки и рекламные плакаты над проезжей частью. В машине стало тепло, даже жарковато. Макс расстегнул ветровку и снял промокшую бейсболку. Темноволосая женщина скрестила руки на груди и сидела неподвижно; жары она, казалось, не замечала так же, как совсем недавно не обращала внимания на холод. Наконец повернула лицо к собеседнику и сказала:

– «С чего бы», спрашиваете вы? А с того, что они последние несколько недель наводили справки о вашем брате. А на днях стали интересоваться и вами.

Макс выкатил глаза, разинул рот.

– Но откуда вы...

– Максим, вы же сами знаете: человек, как бы он себя осторожно ни вел в интернете, оставляет массу следов, особенно если это не профессионал, прикрытый специально разработанным софтом.

– Но почему?! – Макс закусил губу и принялся тереть заусеницу на пальце. По спине будто прошлись куском льда. — Я их никогда в жизни не видел, кроме как по новостям, клянусь вам! Я с ними не знаком, что им от меня нужно?

Она дернула узкими плечами, покачала головой.

– Пока не знаю, но надеюсь, вы поможете мне это выяснить.

– И как же?

– Подумайте, что им могло понадобиться от Александра? Или от вас?

Макс задумался, перебирая в голове все возможные варианты, а Гонцова добавила:

– Было бы любопытно покопаться в личном компьютере вашего брата. Возможно, в нем найдутся какие-то ответы?

Она вопросительно взглянула на Макса, ожидая комментариев, но тот покачал головой.

– Я не смогу выкрасть для вас его ноут, если вы на это намекаете.

– Зачем же красть, всего лишь одолжить мне его на несколько часов. Поговорите с Тамарой...

– Нет, не получится, – он сделал отрицательный жест рукой, но застыл, призадумался. В голове мелькнула неожиданная мысль: помощь пришла, откуда не ждали.

Гонцова заметила, что мужчина колеблется, будто собирается что-то сказать, но не решается.

– Вы что-то вспомнили? – подтолкнула она.

– Не уверен, – сказал Макс, – но возможно, ответы найдутся на флешке.

– Какой флешке?

Макс вкратце, не вдаваясь в детали, пересказал свою короткую эпопею с охотой за накопителем, на котором хранилось научное открытие Александра Смолова, и предположил, что работа его брата могла стать предметом внимания трех «туристов».

– Странно, – задумчиво произнесла Анастасия и принялась размышлять вслух: – Я навела справки, когда мы только взяли этих трех на заметку: исследование Александра не засекречено и не представляет никакой ценности для оборонки или государственной безопасности; в нем не содержится разработок каких-либо уникальных технологий; это, насколько я поняла, чисто теоретический труд в области нейробиологии. Если предположить, что «туристы» работают на иностранную разведку, то становится совершенно непонятно, что именно в работе Смолова могло их так заинтересовать?

– Может, если прочтем ее содержание, пойдем? – предположил Макс.

Майор долго молчала, прежде чем повернула лицо к собеседнику и спросила:

– Где, говорите, осталась флешка?

– В третьем отделе полиции Петроградского района.

Она вновь достала телефон, что-то быстро застрочила, затем спрятала обратно в карман.

– Постараюсь раздобыть ее уже сегодня, – пообещала Гонцова.

Макс раздумывал, стоит ли сообщать фээсбэшнице о своих опасениях, что на флешку наложено проклятье? Открыл было рот, но тут же осекся, одернул себя, осознав, насколько смехотворно прозвучит подобное предостережение, и решил промолчать, чтобы не позориться.

– Что-то хотите сказать? – Анастасия прищурилась, пристально глядя мужчине в глаза.

– Нет, – помотал он головой, – только спросить... если можно?

– Спросить можно всегда, а вот получить ответ – неизвестно.

– Хм... но мне все же интересно, просто любопытно: почему ваша «контора» стала следить за этими тремя?

Майор ответила не сразу, видимо, прикидывала, допустимо ли разглашать служебную информацию, и если да, то в какой мере.

– Всего рассказать не могу, сами понимаете, скажу лишь, что иностранцы сильно «наследили» еще до приезда в Россию. Да и Иволгин тоже отметился в сети. У всех них цели сетевых поисков были одни и те же: нейробиология, Санкт-Петербургский Институт мозга, Александр Смолов. Уже тогда мы взяли их на заметку. Когда наши спецы из отдела кибербезопасности копнули глубже, выяснилось, что Иволгин, Монтана и Хольмберг вообще не знали друг друга до приезда в Абакан. Затем произошло их странное исчезновение в Кашкулакской пещере. А вернувшись из ее недр, они стали наводить справки и о вас лично, Максим. – Гонцова помолчала, задумчиво барабанила пальцами по колену, а затем продолжила: – У этих людей должен быть некий общий знаменатель, но мы его пока не находим. Кажется, что три совершенно незнакомых друг с другом человека приняли ни с того ни с сего заниматься одним и тем же делом, после чего приехали в одно и то же место, встретились там и с тех пор не расстаются. Странно, не правда ли?

– Еще бы! Обалдеть! – Макс покачал головой. – Мистика прямо...

– Да какая там мистика, – махнула рукой Гонцова, – просто мы не все знаем. Необходимо выяснить, над чем именно работал ваш брат.

– Разве вы не наводили справки? – удивился Макс.

Анастасия промолчала, размышляя о чем-то. Затем сказала:

– Да, наводили. Прежде всего, пробрили по нашему регистру засекреченных работ. Что касается сути его исследования, то выяснить ее удалось лишь в самых общих чертах, да и то со слов коллег Александра, которые не многое могут объяснить популярно. Володарский – ассистент, не понаслышке знакомый с открытием вашего брата, – мертв. В названии что-то насчет некоей извилины в мозгу и ее излучения. Это тоже мало что говорит, а все подробности знал только сам Смолов.

Фээсбэшница взглянула на собеседника, но тот молчал и внимательно смотрел на нее, ожидая продолжения.

– Еще обнаружилась любопытная деталь, – продолжала она, – институтские базы данных оказались поражены неким вирусом, который стер все подчистую. Если допустить, что «туристы» охотились за работой Смолова и вирус – их рук дело, то для чего уничтожать? Логичнее было бы выкрасть данные. А этого сделано не было, наши спецсы точно установили: никакого копирования, только удаление.

– На фига было уничтожать данные? – удивился Макс.

– Хороший вопрос. Ладно, мы это выясним. Начнем с флешки – изучим содержание работы. Надеюсь, пойдем. В крайнем случае обратимся за консультацией в РАН. И спасибо за помощь, Максим.

Она в первый раз улыбнулась. Тонкие губы приподнялись лишь едва, а улыбка засветилась скорее в глазах, которые теперь смотрели мягко, по-доброму.

– Не за что. И держите меня в курсе, пожалуйста. Я, конечно, понимаю – секретность, конспирация и все такое, но это же касается моего брата и меня лично. Да и флешка, вообще-то, принадлежит ему.

– Учтем, – пообещала Гонцова и вновь полезла в карман. – Вот моя визитка. Звоните, если вдруг решите что-то сообщить. До связи.

Она распахнула дверцу машины и выскочила под хмурое небо, заспешила прочь со стоянки быстрой уверенной походкой. Макс провожал ее глазами через зеркальце заднего вида, пока она не скрылась за углом здания.

Взглянув на часы, понял, что опаздывает к клиенту и времени на обед не остается. Чертыхнувшись, Макс вырулил со стоянки и покатил по Октябрьской набережной, надеясь, что получится разобраться с заказом легко и, главное, быстро.

Встретиться со Снежаной в пятницу так и не удалось: графики не состыковались. Остаток дня Макс провозился с клиентами, а потом наступил вечер, и она стала недосягаемой, как луна на небе. Иногда на Макса накатывало желание послать все приличия и договоренности к черту, заявиться к ней домой и вытащить ее за шкуру, забрать, увести навсегда. Никита, возможно, так бы и поступил. Но только не Макс. Не хотелось подставлять любимую женщину, вталкивать ее в пучину семейных скандалов, разборок с мужем; не хотелось навязывать ей решение в тот момент, когда она к нему еще не готова. Если речь идет о глобальных жизненных переменах, следует соблюдать такт и иметь терпение.

Терпение, мать его!

Это слово стало чуть ли не вторым именем Макса за последний год. Он призывал его по несколько раз на дню. Когда-то очень давно терпение его спасало. Пока не стало слишком жарко... во всех смыслах слова.

Вечером Макс заехал к родителям, где его угостили обалденной мусакой – ее искусно готовил отец. Он использовал говяжий фарш вместо бараньего, и от того блюдо не было слишком жирным. Мать предложила вина, настоящую греческую рецину, которая, по ее мнению, идеально подходила к мусаке, но Макс отказался: за рулем.

Пока он уплетал ужин, мать обняла его сзади, прижалась щекой к макушке и простояла долго – неподвижно, беззвучно, затаив дыхание. Ему стало приятно, тепло, уютно. Она никогда не делала различий между ним и Сашкой, проявляла любовь одинаково сильно к обоим и не стеснялась своих эмоций, даже когда мальчишки повзрослели. Макс всегда нежился в ее объятиях, чувствовал себя защищенным, укрытым от всех бед и невзгод. Но сейчас, когда ощутил, как на висок упала горячая капелька, стало не по себе. Женские слезы всегда вводили его в замешательство.

Вечер Макс провел дома со стаканом свежевыжатого апельсинового сока и с книгой в руках. Снежана прислала коротенькое сообщение, где извинялась за то, что не смогла вырваться на свидание. Сказала, что скучает и очень ждет встречи, но завтра будет совсем неконтактная: днем они готовят праздничный стол, а вечером ждут гостей. Макс ответил, что извиняться не стоит и он все понимает и что запасся терпением перед выходными, как верблюд водой перед долгим путешествием через Сахару. Заверил ее, что все нормально, и пожелал приятного вечера завтра.

Отбросив телефон в сторону, ощутил, что в глазах защипало, а в горле встал комок. Сжав челюсти до боли в зубах, сдержался, заставил накотившую волну тоски отступить. Не хватало еще перед Никитой позориться.

Глава шестая

Субботу – пустую, унылую и скучную – Макс решил посвятить уборке. Привести в порядок однушку на сорок квадратов не заняло много времени: управился за сорок минут, вышло по минуте на квадратный метр. Возможно, Тамара с присущей ей скрупулезностью и маниакальной страстью к чистоте сказала бы, что он убрался тят-ляп, и потратила бы на квартиру часа полтора, но Макс остался вполне доволен результатом своих стараний.

День казался бесконечным. Макс с нетерпением ждал понедельника, а потому то и дело поглядывал на часы; стрелки ползли медленно, неторопливо, словно издевались над ним и его желаниями. Порой ему казалось, что они насмеются и строят рожицы.

Вспомнилась фээсбэшница Гонцова, которая обещала раздобыть флешку еще вчера; сейчас уже середина дня субботы, но от нее по-прежнему ни слуху ни духу. Ее молчание навевало беспокойство, но Макс предпочитал не думать о плохом, мало ли у работника спецслужбы может быть дел. Обещала позвонить, значит, позвонит. Или не обещала? Какая разница, так или иначе, она даст о себе знать. Надо просто подождать.

Наконец наступил вечер. Он стоял на кухне и готовил себе бутерброд, в гостиной бубнил новостной программой телевизор. Макс прислушивался краем уха, думая о своем, но замер и насторожился, когда начался репортаж о новых вспышках на Энцеладе. Оставив колбасу и сыр, он поспешил в комнату и присел на кровать, вглядываясь в экран.

– Сегодня ровно в полдень по московскому времени, – взволнованно говорила ведущая теленовостей, – на спутнике Сатурна Энцеладе вновь были зарегистрированы таинственные вспышки. Как и несколько дней назад, они наблюдались в области экватора. Астрономы зафиксировали три вспышки с десятисекундным интервалом. Событие взволновало научное сообщество, а российские уфологи, как и их коллеги по всему миру, заявили об очевидно искусственном происхождении данного феномена. Астрономы затрудняются объяснить природу зарегистрированного явления и не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть заявления уфологов.

Режиссеры вывели на экран изображение Энцелада, а рядом список его физических характеристик. За кадром голос ведущей продолжал говорить:

– Напомним: этот спутник Сатурна примечателен тем, что на нем под толстым слоем льда имеется обширный океан воды. На Энцеладе, несмотря на его малые размеры, присутствует тектоническая активность, которая позволяет воде не замерзать и оставаться в жидком и, предположительно, теплом состоянии, при том что температура поверхности спутника равна минус двести сорок одному градусу по Цельсию. Эти факты наводят ученых на мысль, что под ледяным панцирем может существовать жизнь.

Космическая панорама Энцелада сменилась изображением существа с зеленым треугольным лицом и огромными черными глазами.

– В научной среде, – продолжала рассказывать диктор, – звучат возражения против возможности зарождения жизни в океанах Энцелада, связанные с отсутствием солнечного света подо льдом. Однако, по словам российских астробиологов, этот факт не обязательно представляет собой препятствие для абиогенеза: ведь на Земле в глубинах океана, куда не проникает ни единого лучика света, обитают микроскопические организмы, которые питаются химической энергией подводных гейзеров. Одним словом, мнения расходятся, но природу загадочных вспышек, недавно обнаруженных на спутнике Сатурна, еще предстоит изучить.

– Ну и дела... – пробормотал Макс, глядя на экран, на котором выпуск новостей сменился рекламой памперсов.

Ровно неделя миновала с тех пор, как телескопы впервые засекли вспышки, и вот опять. Вряд ли теперь кто-то скажет, что они – результат метеоритной бомбардировки. Если нет, то что тогда? Инопланетяне? Так близко от нас? Получается, что настолько невероятное явление, как возникновение жизни, спонтанно произошло два раза на таком сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, несмотря на всю невообразимую громадность космоса. Так бывает? Или, может, жизнь не так редка во Вселенной, как мы привыкли думать? Интересно, что случится еще через неделю?

С этими мыслями Макс вернулся в кухню к своему бутерброду.

Ночь прошла как обычно: кошмары мучали его два или три раза, однако каких-либо конкретных образов в этот раз не снилось; виделось нечто огромное, страшное и раскаленное, вызывающее дикий, панический ужас. Оно и заставило Макса проснуться от собственного вопля и подскочить в постели в холодном поту.

Выкурил успокоительную, как он ее называл, сигарету, а потом закинул в рот снотворное и отправился в постель.

Проспал почти до самого обеда и, проснувшись, некоторое время приходил в себя. Продолжительный душ, обильный завтрак и несколько чашек кофе наконец привели его в норму, но он едва не опоздал на похороны.

Церемония прошла по обычному в таких случаях сценарию: морг – церковь – кладбище – ресторан. Молитвы и отпевание, плач и причитания, тосты и красивые, но грустные речи. Макс поначалу отказался от стопки водки, которую перед ним поставили, но Тамара на него грозно зыркнула, да и отец нахмурил седые брови, – пришлось опрокинуть в себя «огненную воду» и мысленно извиниться перед Никитой. Сидя за поминальным столом и вяло ковыряясь вилкой в тарелке, Макс то и дело посматривал на телефон в ожидании сообщений от Снежаны, но любимая женщина притворялась, что ее не существует.

Расходиться стали к вечеру. Прощаясь, он пообещал Тамаре сделать на следующей неделе новую попытку забрать Сашины вещи из лаборатории. Невестка коротко поблагодарила и уехала со своими родителями. Макс, успевший к тому времени протрезветь, подбросил отца и мать домой и наконец вернулся к себе.

Укладываясь в постель, с тревогой отметил, что майор не перезвонила и сегодня. Что могло случиться? Занята или?..

Страх медленно вползал в душу и обкладывал ее изнутри ледяными плитами. Макс избегал суеверных мыслей и волевым усилием выдавливал из головы предположение о том, что

Гонцова погибла при попытке прочесть содержимое флешки. Оно упорно цеплялось за нейроны и не желало исчезать, приходилось бороться и давить, давить. Почему она непременно должна была погибнуть, спрашивал он себя. Возможно, ей просто не до него, мало ли у майора ФСБ может быть дел. В конце концов, вчера и сегодня выходные. Может человек просто отдыхать? На дачу уехать, отвлечься от работы и вообще от всех дел? Конечно, может. Сидит, наверное, и вышивает. Или не вышивает, а просто бухает с подружками-фээсбэшницами. Или пытается пойманных шпионов. Мало ли...

Несмотря на самовнушение, Макс ощущал, помимо страха, невольное чувство вины. Он должен был предупредить девушку об опасности. Ну или хотя бы о своих предположениях, если уж допустить, что опасность он выдумал. Тогда, случись что, вся ответственность лежала бы на ней, но теперь...

Он решил завтра же связаться Гонцовой, благо свои контактные данные она оставила. С самого утра взять и позвонить, если сама не объявится. Успокоив себя этим решением, Макс выбросил тревожные мысли, взял в руки телефон и принялся просматривать новости.

А почитать было что: ведущие информационные агентства пестрили сообщениями о новой серии таинственных вспышек, зафиксированных сегодня в полдень по московскому времени на экваторе Энцелада, – с привычным уже десятисекундным интервалом. Подробностей не сообщалось, говорилось лишь, что ученые по-прежнему теряются в догадках и выдвигают различные гипотезы, но объяснить не могут ничего – не только обществу популярно, но и самим себе строго научно. Некоторые астрономы предложили в скором времени запустить к Сатурну новую автоматическую исследовательскую станцию, целью которой будет исключительно изучение Энцелада и его загадок, но где взять средства на подобную дорогостоящую миссию, никто не представлял.

Пролистав несколько статей и не обнаружив ничего нового, Макс погрузился в забытье и проспал без всяких сновидений до самого утра.

Понедельник встретил петербуржцев пасмурным небом и теплым, даже душным, воздухом, застывшим как кисель; на улице казалось, будто влажные, липкие ладони неприятно обволакивают кожу. Бабульки на скамейке у входа в подъезд шептались, что грядет буря, и бросали тревожные взгляды на северный горизонт, видимый в проеме между многоэтажками. Оттуда на город медленно и неотвратно, будто каток для укладки асфальта, надвигалась огромная черная туча. Макс успел с раннего утра сходить в магазин за продуктами, а когда вернулся домой, хлынул ливень.

Сидя с чашкой кофе за компьютером, он боязливо посматривал в окно на отвесную стену воды, падающую на землю с темного неба. Всполохи молний кромсали черноту здесь и там, а раскаты грома, похожие на звук камнепада в горах, наводили суеверный ужас. Когда гроза приблизилась и загромыкала над самой головой, Макс тяжело задышал и, крутанув тросточку жалюзи, отгородился сомкнутыми ламелями от мира за окном.

Пытаясь унять дрожь в руках, он допил кофе и взялся за телефон, набрал номер майора. Гудок, второй, третий... никакого ответа, даже автоответчик не включается. Десятый, одиннадцатый, двенадцатый...

Макс сбросил дозвон и уронил сотовый на стол, закрыл лицо ладонями, качая головой. Гонцова мертва! Не верится, просто не верится. Но так не бывает, черт побери! Что за дьявольщина творится?! Двадцать первый век, интернет, смартфоны, полеты в космос – и проклятье, убивающее всех, кто ослушается...

Он провел ладонями по выбритому до блеска темени и сцепил пальцы за затылком, уставился широко распахнутыми глазами в экран ноута, на котором отплясывал скринсейвер. Из-за окна докатился грохот, Макс невольно вздрогнул. Гром загремел вновь, и он не сразу слышал телефонный звонок. Опустил взгляд на экран – незнакомый абонент. Миг спустя до

него дошло, что это тот же номер, на который он только что звонил. Макс схватил телефон и нажал зеленую кнопку.

– А-алло... – прохрипел он.

– Смолов, это вы? – раздался на том конце женский голос.

Он чуть не пустился в пляс от ликования. Максиму никогда прежде не приходилось радоваться тому, что некий едва знакомый человек, вопреки ожиданиям, оказался живым и здоровым.

– Да, я, – проговорил он, невольно улыбаясь, но решил все же уточнить: – А с вами все в порядке?

– Со мной все просто замечательно, – ответила Гонцова. Голос ее прозвучал безрадостно, но вместе с тем бодро и даже звонко. – Почему спрашиваете?

– Да так... – замялся Макс. – Я... э-э... насчет флешки звоню.

– Да-да, Максим, я не забыла. У нас тут на днях ЧП произошло, даже не одно, так что было не до флешки. Первое, кстати, связано с теми людьми, о которых мы недавно говорили. При встрече расскажу подробнее, собиралась с вами связаться. Так что простите, что не позвонила.

Макс облегченно выдохнул, Гонцова продолжала:

– Флешку я вашу раздобыла, она у меня, как раз хотела сейчас сесть и разобраться с ней наконец, прочитать то, что...

– Нет! – выкрикнул Макс. – Ни в коем случае!

Выкрик получился грубый, резкий, но совершенно спонтанный. Секунду спустя Макс опомнился и пробормотал извинения, но девушка не обиделась и, кажется, даже не удивилась реакции собеседника, а спросила с любопытством:

– Почему же?

– Ну... – Ему вдруг стало стыдно, очень стыдно, и он почувствовал себя идиотом. Но раз уж сказал А, говори и Б. – Думаю, это опасно.

Молчание. Дыхание в трубку. Затем резкое:

– Поясните, Максим!

– Э-э... ну в общем... так получается, что всякий раз, как кто-то пытается прочесть содержание этой флешки, он... кхем... он погибает. От какого-то несчастного случая.

Здесь Макс еще раз пересказал историю своих попыток заполучить злосчастный накопитель, но на этот раз уточнил, почему флешка переходила из рук в руки и что именно случилось с тем, кто имел с ней дело. Анастасия ответила долгим молчанием. Макс, прижав трубку к уху, встал с кресла и принялся разгуливать по комнате, лавируя между мебелью. Из-за окна доносился шум дождя и раскаты грома, но теперь они как бы отошли на задний план – на переднем была реакция фээсбэшницы.

Прошла минута. Все это время Макс, покусывая губы, терпеливо ждал ответа. Наконец майор сказала:

– Почему вы не рассказали об этом сразу?

– А что бы вы тогда обо мне подумали?

Она хмыкнула, но признала:

– Тогда – ничего хорошего, вы правы. Но сейчас...

– Что «сейчас»? – Макс остановился посреди комнаты, нахмурился.

– Сейчас вся эта история выглядит по-другому.

– Да? А... почему?

– Потому что, – начала Анастасия, и голос ее зазвучал скорбно, – у нас в отделе вчера произошло несчастье. Один из оперативников погиб по нелепой случайности прямо на глазах у коллег. Удар током. Собрался апгрейдить комп; снял крышку с системника, принялся вывинчивать процессор... а оказалось, забыл обесточить машину. Просто не вынул вилку из розетки.

– А причем здесь... – начал было Макс, но майор резко перебила:

– При том, что я незадолго до этого попросила его заняться вашей флешкой!

Макс присел на краешек кровати, чувствуя, что у него подкашиваются ноги. Собеседница помолчала, а потом продолжила, голос ее сделался виноватым:

– Просто дел по горло в связи с новым инцидентом с «туристами», и я никак не успевала, вот и попросила Лешу об услуге. А он парень разносторонне образованный, научпоп читает, в том числе по биологии. Я подумала: если уж кого-то просить о помощи, то только его. Он все понял бы и даже расшифровал, если б там было написано совсем заумно. Попросила, а он, естественно, согласился, сказал: «Займусь, как только закончу с апгрейдом». Черт, дура!

– Анастасия, – прохрипел Макс, – вы не должны винить себя, дело не в вас, дело во... флешке.

– Но это же абсурд! – воскликнула она. – Нонсенс!

Макс проглотил комок и, перекинув телефон в другую руку, вытер вспотевшую ладонь о брюки.

– Вы правы, – проговорил он, – абсурд. Но факты! Совпадений слишком много, согласитесь. Это уже и не случайность, а самая что ни на есть закономерность. Я думал поначалу, что нагородил чушь, напредставлял себе всякую фигню, но вы же видите, что происходит, разве нет?

– Вижу, – ответила Гонцова. – Не знаю, что и думать и вообще что теперь делать.

Макса осенила неожиданная идея.

– Флешка у вас? – спросил он.

– Да...

– А знаете что, давайте вместе почитаем. Подстрахуем друг друга, если что-то странное начнет происходить. В конце концов, я же не посторонний, тоже имею право знать о содержании работы, а она не засекречена, сами говорили.

Анастасия раздумывала несколько секунд, затем спросила:

– Где вы сейчас?

– Дома.

– Буду у вас через четверть часа, я недалеко, адрес знаю.

– Жду! И Анастасия...

– Да?

– Будьте осторожны по пути, мало ли...

Она кашлянула, выдавила:

– Я всегда осторожна. До встречи!

Макс отбросил телефон и рухнул на кровать. За окном ярилась гроза, гремел гром, дребезжали стекла. В животе холодела глыба льда, а сердце стучало о ребра, нагнетая кровь в мозг, который, казалось, вот-вот взорвется от волнения и страха. Если б Макс сам не был непосредственным участником этой сумасшедшей чехарды с флешкой, а ему о ней рассказали, он ни за что бы не поверил, ведь имя такой хрени одно: бред, абсурд, сюр. Точнее, имен много, а суть одна – безумие!

Макс, разрываемый на части, начинал ощущать настойчивое стремление вызвать Никиту. С одной стороны, в нем по-прежнему горело страстное желание довести дело до конца и узнать-таки, в чем состояла суть работы Александра. Дело принципа. Но с другой, ситуация начинала выходить за рамки нормального, выносить ее становилось все труднее. Он не в состоянии более с ней справляться, пора уступить место тому, кто может.

Макс занес ладонь над правой щекой, но тут раздался звонок в дверь. Четверть часа пролетели незаметно.

Макс шелкнул замком и распахнул дверь. На пороге, впихивая телефон в карман брюк, стояла майор – вымокшая до нитки, в серых от грязи кроссовках, синих джинсах и черной футболке. По узкому, худому лицу струились капли, темные глаза жгли лазером, рука сжимала лямку рюкзака, тоже мокрого.

Макс невольно улыбнулся, выдохнул облегченно.

– Все в порядке? – спросил он.

– Как видите, – ответила Гонцова, смахнув воду с лица, – хотя могло бы быть лучше. От парковки до подъезда вашего дома – чуть больше минуты ходу и вот...

За стенами громыхнул гром, да так сильно, что оба вздрогнули, а Макс даже вжал голову в плечи.

– Проходите, – опомнился он, пропуская гостью в квартиру.

Анастасия поблагодарила и вошла. Прямо у порога, едва хозяин запер дверь, сбросила грязную обувь и прошлепала за ним в кухню, оставляя на паркете вереницу мокрых следов подошвами босых ступней.

– Кофе? – предложил Макс.

– Растворимый?

– Да вы что! Из цельных зерен.

Он включил кофе-машину, достал из холодильника сливки.

– Флешка с вами? – осведомился Макс, готовя напиток. – Не промокла?

– Промокла я, – усмехнулась Гонцова, – а с ней все в порядке.

Она запустила руку в рюкзак, пошарила там и достала черный цилиндр с инициалами «А.С.», положила на середину стола. Макс застыл с двумя чашками дымящегося кофе в руках. Выкатив глаза, уставился на предмет, словно это была не флешка, а граната с выдернутой чекой. По спине пробежал холодок, сердце зачастило.

– Это же она? – уточнила на всякий случай майор.

– Ч-что? А... да-да, она самая.

Он тряхнул головой, шагнул ближе и опустил чашки на столешницу. В конце концов это всего лишь флешка, и ничего больше. Она не кусается.

С усилием Макс взял себя в руки и попытался дать отпор накатившей волне страха. Предложил госте сесть, сам расположился напротив, но тут же вскочил.

– Простите, что не предложил сразу: может, хотите высушить одежду? У меня есть сушильный шкаф. А вам одолжу банный халат.

Гонцова мотнула головой, лазеры в глазах чуть ослабли, скуластые щеки тронул едва заметный румянец.

– Нормально, – махнула она рукой, – высохну. Попьем кофе и за работу.

– Ну как знаете.

Макс вернулся на место и принялся с шумом прихлебывать горячий напиток, косясь на лежащую рядом флешку.

Пару минут сидели молча. Анастасия грела ладони о чашку, хмурилась, смотрела прямо перед собой. Макс украдкой изучал ее, размышляя о том, как близко эта девушка подошла к роковой черте. Не возникни у нее на работе аврал, сейчас на месте своего коллеги Леши была бы она – тем или иным образом. А что теперь? Кто погибнет сейчас, когда допьют кофе? Она или сам Макс? А может, если заранее готов, несчастного случая удастся избежать? Страшно. Но жутко любопытно. Флешка завораживала и притягивала так, как вид с последнего этажа высотки тянет к себе, заставляя наклоняться, перегибаться через перила балкона, скользить вниз и лететь, лететь...

Макс вздрогнул и случайно толкнул стол, потряс головой. Майор удивленно воззрилась на него.

– Простите, задумался... – пробормотал он, отводя взгляд. Затем, вспомнив, спросил: – Кстати, вы обещали рассказать про «туристов». Они что-то натворили вчера?

Гонцова помрачнела, поставила чашку на стол. Сложив руки на груди, навела лазеры на лысого мужчину напротив и проговорила:

– Не вчера, в субботу. Они пропали.

– Как «пропали»? Опять в той пещере в Хакасии?.. Э-э... забыл, как ее...

– Не в пещере, а на склонах горы Холатчахль.

– Где?!

– Так называемая Гора мертвецов на Урале, – пояснила Гонцова и снова взяла чашку с кофе.

– Похоже, у них тур по таинственным местам России, – попробовал пошутить Макс, но Гонцова оставалась серьезной.

– Наши агенты наблюдали за их перемещениями на всем пути из Абакана до поселка Ушма на севере Свердловской области, – продолжала она. – Оттуда они, то есть «туристы», на квадроциклах направились к перевалу Дятлова, но миновали его без остановок и продолжили движение по грунтовке в сторону Холатчахля, пока дорога не растворилась в тайге. Там они оставили транспорт и пошли вверх по склону пешком. Сперва наши вели непосредственное визуальное наблюдение – так долго, как было возможно, затем подключили дроны. Они-то и запечатлели... это.

– Что именно? – нахмурился Макс, поняв по тону собеседницы, что происшествие изрядно впечатлило девушку.

– Исчезновение.

– В смысле «туристы» пропали из виду?

– В смысле они *исчезли*, – отчеканила Анастасия, взглянув на мужчину так, будто это произошло по его вине. – Просто растворились в воздухе. Плавно, как кубик сахара в горячем чае, только чуть быстрее.

Макс откинулся на спинку стула, вытаращился на майора, которая не сводила с него прожигающего насквозь взгляда. Если б не это бросающее в дрожь выражение в ее глазах, решил бы, что она прикалывается.

– Как это... – пролепетал он.

Анастасия дернула плечами и отвернулась, ничего не ответила. Взяла в руки чашку, бесшумно отпила и снова посмотрела на Макса.

– Жуть какая-то, – буркнула она и скривила лицо, будто проглотила что-то гадкое. – И в довершение ко всему вчера всех трех видели в Мурманской области в окрестностях села Ловозеро, расположенного на берегу одноименного озера. Такой вот маршрут. Как они умудрились за сутки добраться из безлюдной части Урала до Мурманска без использования авиатранспорта, не представляю. Кстати, они по-прежнему не вступали с вами в контакт?

Макс помотал головой.

– Я бы сообщил вам немедленно.

Он допил кофе и посмотрел на флешку, мирно лежащую в центре стола. Перевел взгляд на фээсбэшницу.

– Я... г-готов, – выдавил он.

– Я тоже. – Она встала. – Компьютер в гостиной?

Макс кивнул. Девушка, не дожидаясь приглашения, направилась в комнату, а он остался на кухне. Покосился на флешку – сердце вновь понеслось вскачь, ладони вспотели. Он протянул дрожащую руку к черному цилиндру, но в это мгновение громыхнуло так, что заложило уши. Макс вздрогнул, матюгнулся в полный голос, задышал глубоко и часто, будто собирался нырнуть под воду.

– Максим, вы идете? – донеслось из гостиной.

Он сжал пальцы в кулаки, изо всех сил пытаясь вернуть контроль над чувствами, затем вновь потянулся к флешке. Когда она наконец оказалась в его ладони (и не прожгла ее насквозь, не взорвалась!), он крикнул в сторону гостиной:

– Иду!

В комнате царил полумрак. Жалюзи лишили помещение дневного света, и без того скудного, кастрированного огромной черной тучей. Анастасия, застывшая возле письменного стола, выглядела серым силуэтом без лица и глаз, каменным истуканом, лишенным малейших признаков жизни. Макс щелкнул выключателем, стало светло. Майор обрела человеческий облик и взмахнула рукой.

– Пора начинать, – сказала она, – а то у меня совещание в управлении после обеда. Не люблю опаздывать.

Тембр ее голоса изменился едва заметно, но Макс уловил, что девушка напряжена, в движениях появилась некоторая нервозность. Оно и понятно.

Он подошел к столу и сел в кресло, «разбудил» ноут. Рядом с компьютером лежал телефон. Макс тронул экран – никаких пропущенных звонков или непрочитанных сообщений. Часы показывали без четверти час, но от Снежаны по-прежнему не было вестей. Он решил, что, как только разберется с флешкой, сразу же ей позвонит. Если, конечно, кирпич не упадет на голову.

– Максим! – напомнила Гонцова о себе и кивнула на ноут, когда он поднял на нее глаза.

– Да-да, – хрипло отозвался Макс, – секундочку...

Он зажал флешку между большим и указательным пальцами, поднес к USB-разъему, но остановился. Тревожно осмотрелся по сторонам в поисках потенциальной опасности. Удовлетворенно отметил: никаких колющих или режущих предметов поблизости не обнаружено, все выглядит спокойно, привычно, по-домашнему. Безопасно. Прислушался – звук дождя из-за окна, тихий шелест кулеров компьютера. Ничего странного.

– Ну же! – поторопила Анастасия.

– Ладно, – обреченно выдавил Макс и вздохнул. – Пора!

Он вновь приблизил флешку к разъему. Сверкнула молния – ослепительно яркая, видимая даже сквозь крохотные щели между ламелей. Грянул гром, да так, что Макс вздрогнул и выронил цилиндр. Лампы в люстре вспыхнули на мгновение, будто взорвалась сверхновая, а секунду спустя с легким хлопком погасли. В комнате вновь воцарился полумрак. Экран ноутбука сделался черным, кулеры затихли. Кроме шума дождя больше не было слышно ничего.

– Господи... – прошептала Анастасия, встав почти вплотную к хозяину квартиры; тот замер в кресле, ошарашенно пялясь в пустой экран.

Сквозь жалюзи сверкнула еще одна молния – и вновь оглушительный камнепад.

Макс помотал головой, словно не верил в то, что все это происходит именно с ним. Создалось ощущение, что он бредит или видит сон.

Наяву так не бывает!

Он медленно перевел взгляд с экрана на флешку, лежащую на столе, потом поднял к Анастасии. В полумраке было видно, что ее глаза расширились, она судорожно сглатывала и смотрела на мужчину сверху вниз.

Макс кое-как взял себя в руки, вернул внимание на ноут. Потыкал кнопки, приподнял над столом, даже понюхал – пахло паленым пластиком. Провод от компьютера тянулся к розетке. Макс, если работал в комнате, обычно предпочитал не тратить заряд батареи, а брать питание из сети. Мощный скачок напряжения убил комп, это стало ясно сразу.

– Ч-черт... – прохрипел он.

– По крайней мере, – промолвила Гонцова срывающимся голосом, – никто не погиб.

Потрясенный, Макс медленно поднялся на ноги. Руки дрожали, сердце норовило выпрыгнуть из груди. Он понял, что подошел к грани – силы таяли на глазах, сейчас он взорвется. Надо исчезнуть, исчезнуть!

– М-минутку... – пробормотал он, обращаясь к гостье, – мне надо... туда...

Покачиваясь на ватных ногах, ссутулившись, он проковылял к двери в ванную, вошел и заперся на замок. В узком оконце под потолком бесновались молнии, рассекая темно-серое небо там и тут. Гром грохотал теперь почти непрерывно. Макс схватился за голову, по лысому черепу бежали капли пота.

– Не могу... – прошептал он сам себе. – Выручай, пожалуйста.

Макс закрыл глаза, размахнулся и ударил себя ладонью по правой щеке.

Наступило затмение; мир померк, утонул в темной воде, но вынырнул миг спустя совсем другим...

Глава седьмая

Прошло несколько минут, прежде чем свет дали вновь. Это стало понятно по щелчкам из кухни, где включился холодильник и еще какая-то техника, чудом уцелевшая после недавнего скачка. В гостиной же было по-прежнему мрачно, почти темно: лампочки в люстре перегорели. Анастасия огляделась по сторонам, заметила настольную лампу на тумбочке у кровати. Смолов затих в туалете и не появлялся уже минут пять. Она прошла через комнату и щелкнула выключателем, стало светло, а на сердце – спокойнее. За окном все еще сверкали молнии и грохотал гром, но первый испуг быстро улетучивался, как утренний туман под дуновениями предрассветного бриза.

Она вернулась к письменному столу – ноут лежал мертвый как камень, флешка валялась рядом, неприступная и еще более загадочная.

– Вот гадство... – пробормотала Анастасия, размышляя, что предпринять. Забрать накопитель и отправиться в управление, чтобы на рабочем компьютере дотянуться до его содержимого, несмотря ни на что? Самой страшновато, Леша уже попробовал. Взять с собой Смолова для подстраховки? Где он вообще пропал, черт его подери? Нет, посторонние в кабинете – шеф не поймет. У нее возникло смутное ощущение, даже уверенность, что присутствие этого странного, замкнутого, бритого наголо мужчины совершенно необходимо, чтобы добраться до содержимого флешки. Ведь его, в отличие от других, почему-то не убило при попытке получить доступ к сохраненным данным, хоть препятствия все равно появились. Это могло быть простым совпадением, но проверять и экспериментировать не хотелось, мало ли... Со Смоловым по-любому спокойнее.

Дурдом!

– Максим, вы скоро? – позвала она, шагнув в сторону ванной комнаты.

Тишина. Она выждала пару минут, подошла к двери, постучала.

– Максим?

Еще через минуту звякнул замок, Анастасия успела отступить назад, прежде чем дверь резко распахнулась.

– Че орешь? – раздался грубый мужской голос из ванной. – Поссать не дает спокойно.

Гонцова выкатила глаза, попятилась. Упершись спиной в холодную стену, она наблюдала, как из освещенного туалета вразвалочку выходит мужчина – высокий, плечистый, бритый налысо, с прищуренным насмешливым взглядом. Он осмотрел ее с головы до ног, задержался на небольшой, но хорошо заметной под мокрой футболкой груди, посмотрел в глаза и подмигнул. Затем как ни в чем не бывало шагнул в сторону, включил свет в коридоре.

Анастасия, секунду назад допустившая невероятную мысль, что перед ней незнакомый мужчина, поняла, что видит по-прежнему Смолова. Но выглядел он тем не менее как-то иначе. Она не могла понять, как именно, но иначе. Даже голос изменился, стал ниже, зычнее.

Выпрямив спину, Смолов прошествовал мимо нее в гостиную и пошелкал выключателем.
– Гроза, мать ее... – донеслось до Гонцовой.

Она осторожно вступила в комнату вслед за мужчиной. Рассматривая его со спины, подумала, что Максим стал выше ростом, но тотчас отогнала абсурдную мысль. Кашлянула и сказала:

– Максим, нам надо закончить наше дело...

Смолов резко обернулся, зло рявкнул:

– Дело? Это ссыкло и шагу ступить не в состоянии без нытья и жалоб. Что у него вообще может быть за дело, кроме как сидеть и тыкать пальчиками в кнопочки?

Гонцова оторопела, тихо спросила:

– Вы сейчас о ком говорите?

– Ха! – дернул лысой головой Смолов. – «О ком говорите», надо же! Копать-потеть...

Он криво усмехнулся и прошел к столу, взял мертвый комп. Повертел в руках, захлопнул крышку и впихнул в мусорное ведро у кресла. Потом заграбастал флешку и засунул себе в карман брюк. Гонцова напряглась, обежала взглядом комнату и нашла свой рюкзак на полу у кровати. Сделав пару шагов, она подхватила его за ляжку и закинула на плечо. В рюкзаке она носила табельное оружие, когда была одета так, как сейчас. Поведение Смолова настораживало. Он тем временем, игнорируя ее, будто находился в комнате один, направился широким шагом в кухню.

– Задолбал своим кофе, – донеслось оттуда недовольное ворчание, – сколько можно! Ничего сладкого нету?

Послышался звон посуды, затем плеск воды. Анастасия вошла в кухню, застала мужчину со стаканом в руке. Хотела что-то сказать, но не успела.

– Слышь, – обратился к ней Смолов, – на фига вы комп сожгли?

– Так, Максим, послушайте...

– Нет, лучше ты послушай. Сосунок этот, хоть и компьютерщик, но пустоголовый. Ты-то девка с мозгами вроде или нет? Напомнила бы ему отсоединить комп от сети в грозу!

Гонцова сжала челюсти, на худых щеках забегали желваки. Она вперилась в его лицо, одновременно и знакомое, и совершенно чужое. Острый подбородок, рассеченный шрамом, выдался вперед, глаза смотрели хищно, плотоядно. Его взгляд ей совсем не нравился.

– Знаете что, Максим, – строго проговорила она, – верните-ка флешку, я сама справлюсь.

– «Максим», – скривив губы, передразнил он и покачал головой. – Нет уж, дудки! Я тоже сам справлюсь. Ща к соседу, Димону, сбегая, у него комп мощный, и решу все дела с Сашкиной работой. А ты, девочка, давай, топай домой в куклы играть.

– Так, вернул флешку, быстро, – процедила Гонцова, незаметно просунув ладонь в рюкзак.

Секунду спустя в ее руке появился стечкин, дуло уставилось прямо в лицо Смолову.

– Флешку на стол! – рявкнула она.

Мужчина несколько секунд внимательно смотрел на оружие, будто пытался по внешнему виду определить год его выпуска, потом поднял взгляд на девушку, которая замерла с пистолетом в вытянутой руке. В его глазах она заметила лишь холодное спокойствие, даже безразличие, словно оружие на него наводят каждый божий день.

– Лады, – сказал он ровным голосом и поставил стакан на стол.

– Флешку, я сказа...

Договорить Гонцова не успела. Нечто едва видимое мелькнуло перед ее взором, вывернуло ей кисть, заставило выпустить оружие. Она тихо вскрикнула и миг спустя согнулась попо-

лам с завернутой за спину рукой. Смолов поймал пистолет и, не отпуская руку девушки, приставил дуло к ее затылку.

– Дернешься – пристрелю, – прорычал он.

Анастасия замерла, шокированная и растерянная. Но через несколько секунд совладала с чувствами и, глядя в паркетный пол, проговорила:

– Максим, не загоняйте себя в проблемы, отпустите немедленно и верните оружие...

Он крикнул, ухмыльнулся и собрался было что-то ответить, но в дверь позвонили.

– Опа! Гости.

Смолов размышлял пару секунд, затем отпустил девушку. Та выпрямилась, потирая вывернутое запястье, и зло зыркнула на мужчину.

– Не дергайся и не тупи, – сказал он ей и, спрятав пистолет за пояс, направился в прихожую.

Анастасия метнулась к рюкзаку, достала телефон, собираясь вызвать подмогу.

– Я же сказал, не тупи. – Смолов вернулся в гостиную и погрозил ей пальцем, точно отец, наставляющий неразумную дочурку. – Без меня ты флешку хрен откроешь, разве не ясно? Сиди тихо, все решим, пушку верну.

Он вновь удалился, а девушка застыла в нерешительности, глядя то на телефон, то на выход в коридор. В конце концов нашла компромисс: торопливо настрочила СМС-сообщение на номер своего начальника подполковника Свиридова и копии еще паре коллег, но не отправила. Оставила телефон в руке, чтобы в случае опасности просто нажать кнопку и отослать эсэмэску.

Из прихожей донесся щелчок замка, скрипнула входная дверь. Гонцова сделала несколько шагов и оказалась в коридоре.

На пороге квартиры стояла высокая рыжеволосая женщина в промокнувшем синем платье со спортивной сумкой через плечо и чемоданом на колесиках, который придерживала за ручку. Оставив вещи, она шагнула в прихожую и заключила Смолова в объятия, прижалась с тихим вздохом. Он нерешительно положил руки ей на плечи.

– Милый мой, наконец мы вместе! Знаешь, я уже... я все... – Послышалась сбивчивая речь женщины; она говорила, уткнувшись лицом в грудь мужчины. Однако осеклась на полуслове, отпрянула и вгляделась в лицо стоящего перед ней человека. И ахнула: – Боже мой... Никита!

Смолов отпустил ее и отступил на шаг.

– Что, сильно изменился с последней встречи? – хмыкнул он и сложил руки на груди.

Рыжая покачнулась и прислонилась плечом к стене, закрыла лицо ладонями.

– Господи, как не вовремя, – проговорила она.

– Ага, это я не вовремя? – буркнул мужчина и криво усмехнулся. – Только своему Ромео это не скажи. Уж он-то знает...

– Дура, черт! – воскликнула женщина, отнимая руки от лица. – Прости, Никита, я не то имела в виду.

– Что имела, то и ввела.

– Какой еще Никита? – не удержалась Анастасия, наблюдавшая эту сцену с нескрываемым изумлением.

Рыжая только сейчас обнаружила, что у их разговора есть свидетель. Она уставилась на Гонцову, смутилась, сделала несколько шагов навстречу.

– Здравствуйте, – неуверенно проговорила женщина, а затем обратилась к Смолову: – Это твоя новая девушка?

– Это не девушка, – ответил тот, – это майор ФСБ Гонцова А.Н.

– Что?!

– Ладно, вы пока знакомьтесь, а я вещи занесу. Все в кучу, блин.

Пока Смолов затаскивал в квартиру чемодан и сумку, Анастасия представилась и поспешила сообщить, что она здесь по делу. Рыжеволосая назвалась Снежаной и зачем-то поинтересовалась, к кому именно Анастасия пришла по делу.

– В смысле? – не поняла майор и ткнула пальцем в мужчину, который протащил вещи в гостиную и вернулся в прихожую. – Вот к нему.

– И кто же это, по-вашему? – допытывалась Снежана.

Гонцова хотела было возмутиться глупому вопросу, но вовремя остановила себя. Со Смоловым явно что-то произошло, пока он находился в туалете: его будто подменили, причем в самом прямом смысле слова. Может, там прятался его нахальный брат-близнец и они поменялись местами? Или это все-таки Максим, который со страху накидался наркотой?

Вопрос был, похоже, не риторический: Снежана напряженно ждала ответа.

– Максим Смолов, – неуверенно сказала Анастасия и бросила короткий взгляд на ухмыляющегося мужчину. – Так, во всяком случае, записано в наших базах данных.

– Ваши базы устарели, – хмыкнув, заметил он.

Гонцова подавила вспышку раздражения: ей показалось, что ее разыгрывают.

Снежана вздохнула, качая головой, и сказала:

– Дело, конечно, не в базах, а в... совсем другом. Короче, это уже не Максим, это теперь Никита.

– Нам надо разобраться с флешкой, – напомнил он.

– Нет, Никита, – сказала Гонцова, ужалив его взглядом, – прежде нам надо разобраться с моим пистолетом.

– С чем?! – Снежана округлила глаза.

– Да ладно, чего там, – проворчал Никита и, достав из-за спины оружие, протянул его рукоятью вперед Гонцовой. – И не вздумай больше им в меня тыкать!

– Господи... – пробормотала Снежана, бледнея. – Что здесь происходит?

– Все в порядке, – примирительно сказала Гонцова, но прятать оружие обратно в рюкзак не стала, а всунула себе за пояс, – просто немного поспорили.

– Кстати, по какому поводу чемоданы? – осведомился Никита, кивая в сторону гостиной, где он сложил Снежанины вещи.

– А что, непонятно? И вообще, тебя это не касается.

– Неужели?

Снежана смутилась, осознав сложность ситуации.

– Блин... – буркнула она и потупила взор. Собравшись с мыслями, выдохнула: – Я ушла. Насовсем.

– И?

– К Максусу.

– Ха! А Макс твой сдулся.

Никита заржал, игнорируя гневный взгляд рыжеволосой женщины. Гонцова ощутила, что этот диалог на ногах в прихожей начинает ее утомлять.

– Так, ребята, – сказала она, – может, вы свои дела потом порешаете, а сейчас займемся другим?

– Первая умная мысль за день, – прокомментировал Никита и жестом предложил гостям следовать за ним в кухню.

Там они расселись за столом. Напитков никто не предложил, поэтому Анастасия, решив, что наглость второе счастье, прошла к буфету, достала чистую чашку и включила кофемашину.

– Значит так, – заговорил тем временем Никита. Он развалился на стуле, закинув ногу на ногу, и вертел меж пальцев чайную ложку. Снежана сидела напротив него и смотрела на мужчину жалобно, тоскливо, но в то же время с досадой и разочарованием. За окном по-преж-

нему гремел гром, но с каждым новым раскатом становился все тише. – У нас есть проблема – долбанная флешка. Просмотреть ее содержимое мы не можем, но очень хотим. Вопрос: кто виноват и что делать?

– Что за флешка? – удивилась Снежана. – И почему не можем?

– Потому что эти придурки сожгли комп, – ответил Никита, кивая на майора, стоящую с чашкой кофе в руках возле холодильника. – Но дело не только в этом...

– Будешь хамить, плесну кофе тебе в рожу, – спокойно предупредила Гонцова.

– И от меня прилетит, если Макса еще раз придурком назовешь, – добавила Снежана строго.

– Ладно, ладно, это я любя. Короче, тема такая: кто пытается открыть файлы на флешке, помирает. Некая хрень подстраивает несчастный случай, и бедолаге капут. Я – единственное исключение. Почему – без понятия.

– Никита, стоп! – Снежана воздела руки, будто пыталась удержать падающий на нее шкаф. – Что это сейчас было? Ты о чем, вообще?

Тут слово взяла Анастасия.

– Прошу прощения, но всего открыть не могу: секретность. Кое-что я была вынуждена рассказать ему... э-э... точнее, Максиму, поскольку это имело к нему непосредственное отношение...

– Господи, во что он вляпался?

– Пока неизвестно, что это такое, но Максим ни в чем не виноват. А вот флешка – это да, Никита прав, дело именно так и обстоит, как бы невероятно это ни звучало. Нам необходимо получить доступ к файлам, но это... мм... нам еще не удалось. Сейчас наша задача: найти исправный компьютер и попытаться опять.

– Бред сивой кобылы, – с сомнением проворчала Снежана. – А вы точно из ФСБ?

Анастасия вздохнула, вынула удостоверение и развернула перед женщиной.

– Да уж, – заметила на это Снежана, – корочка из «конторы», конечно, не дает иммунитета от шизофрении... Ой, извините, вырвалось.

– Ничего, – майор снисходительно кивнула, – но положение и правда серьезное, из-за этой проклятой флешки погибли уже несколько человек. Максим – единственный, с кем ничего не случилось при попытке открыть файлы, разве что свет вырубил, а перед этим скачок напряжения сжег комп.

– Понятно. Не боитесь пытаться вновь?

– Есть надежда, что обойдется, хотя... – Гонцова повернулась к Никите: – Мак... э-э... Никита, не боитесь попробовать еще? Уверены?

– Ха! Пусть боится это ссыкло. Идем, боец невидимого фронта, ща все сделаем.

Прежде чем он поднялся, Снежана успела пнуть его под столом ногой, но мужчина словно не заметил.

– Куда? – зло спросила она.

– Вы говорили про соседа, – напомнила майор Никите, – у которого можно одолжить компьютер.

– Нет никого, этот все выдумал, – махнула рукой рыжеволосая. – Макс ни с кем из соседей не общался.

– Найдем, – пожал плечами Никита, – вот в библиотеке наверняка есть.

– Молодец, можешь ведь, когда хочешь, – усмехнулась Снежана.

– Рад служить!

Гонцова взглянула на часы и поняла, что шансов успеть на совещание практически не осталось. Она разблокировала экран мобильного и, мгновение поколебавшись, стерла приготовленное СМС-сообщение с просьбой о помощи, а вместо него настроила другое, в котором извинялась за свое отсутствие. Затем добавила, что возникли непредвиденные обстоятельства,

связанные с делом «туристов», а потому требуется ее непосредственное участие в некоторых следственных мероприятиях; закончила обещанием изложить подробности при встрече. Свиридов прислал короткое: «Работайте!» Большого и не требовалось, для Анастасии это значило, что ей дали зеленый свет.

– Библиотека – хорошая идея, – похвалила она, обращаясь к Никите, – где тут ближайшая?

– Здесь же, на проспекте, – ответила вместо него Снежана, – минут пять-семь, если пешком через Муринский парк.

– Обожаю свою секретаршу, – ухмыльнулся Никита и одобрительно похлопал Снежану по плечу, – знает ответ на любой вопрос.

– Да иди ты, – буркнула она, сбрасывая его руку с плеча.

– Тогда не стоит терять время, – сказала Гонцова и, допив кофе, опустила чашку в раковину, – идем прямо сейчас.

– Всегда готов!

Никита отправился в прихожую, майор последовала за ним.

– Зонтик возьмите, – посоветовала Снежана из кухни.

– На фиг нам зонтик? Нам бы шлемы с бронежилетами и взвод десантников в охрану.

Гонцова промолчала. Никита говорил с ухмылочкой, иронизировал, но она чувствовала, что в его словах есть разумное зерно.

Глава восьмая

Они застыли под козырьком у двери подъезда, не решаясь выйти под ливень. Всполохи молний продолжали кромсать темное небо, но эпицентр заметно сместился к югу от зенита, раскаты грома слышались все глуше. Порыв внезапно налетевшего ветра швырнул пригоршню холодной воды в лица, будто предупредил: ни шагу из-под навеса.

– Лисичка права, зонтик пригодится, – заметил Никита и надавил кнопку на ручке, распуская сиреневый купол.

Он согнул руку в локте и подставил Анастасии, но та лишь покосилась на нее, подняв бровь, покачала головой и шагнула вперед.

Дождь успел намочить ей голову и плечи, прежде чем подоспел Никита с зонтом. Ветер отчаянно пытался вырвать его из рук мужчины, но тот держал крепко, маневрируя им так, чтобы поверхность купола была обращена навстречу яростным порывам. Анастасия торопилась к припаркованной неподалеку машине, рассчитывая добраться до библиотеки за пару минут. Подойдя ближе, она замедлила шаг. Резкие порывы ветра раскачивали деревья. Одно из них вдруг с треском надломилось и стало клониться к земле, с каждой секундой ускоряя движение. Гонцова остановилась и выкатила глаза. Раздался грохот, скрежет металла и звон разбитого стекла.

– Опа-на, – пробормотал Никита, – черная тойоточка – твоя?

Анастасия молча покивала, глядя на свою придавленную упавшим деревом машину. Толстый тополиный ствол лег поперек крыши, продавив ее чуть ли не до самых сидений, двери выгнулись наружу, целых стекол, естественно, нигде не осталось.

– Почему-то я не удивлен, – сказал Никита. – Тогда на моей поезде, вон она, целехонькая... пока.

Потрясенная Гонцова молча развернулась и на автопилоте последовала за Смоловым, думая о том, что, не будь его рядом, дерево наверняка упало бы как раз в тот момент, когда она садилась в машину. Выходит, Максим был прав насчет проклятья. Бред, конечно, что и говорить, но, с другой стороны, как все это объяснить иначе?

Когда они приблизились к бордовой мазде, Смолов вдруг остановился и придержал спутницу за локоть. Она удивленно воззрилась на него.

– Не-а, не поедем, – заявил Никита, – а то хрен доедем.

Он многозначительно посмотрел на нее, Анастасия понимающе кивнула.

– Пешком безопаснее. Тут недалеко.

Хлюпая по лужам, морщась от ветра с дождем и беспрестанно воюя с зонтиком, они подошли к выезду со двора.

– Куда теперь? – спросила Гонцова.

– К библиотеке направо.

Они вышли из двора, свернули на пешеходный тротуар проспекта. По проезжей части на огромной скорости промчался груженный щебнем КамАЗ и обдал их водой из глубокой лужи, собравшейся у бордюра.

– Черт! – воскликнула Гонцова, а Смолов лишь выругался, глядя вслед стремительно удаляющемуся грузовику.

Смахнув грязную воду с лица, он многозначительно посмотрел на девушку и спросил:

– Думаешь, он успел бы затормозить, если бы мы сейчас на машине выруливали?

– Твою ж... – пробормотала Анастасия, понимая, что Смолов прав: КамАЗ мчался по их души.

На мгновение ей стало страшно – так, как не было никогда. Она побывала не в одной боевой операции, получала и ранения, а однажды чуть жизни не лишилась. Но никогда прежде не приходилось ей бояться так, как сейчас, хотя в этот момент в нее никто не целился, не прикладывал холодное лезвие кинжала к горлу, не пытался похитить или изнасиловать. Она просто шла из пункта А в пункт Б с самой, на первый взгляд, невинной целью: прочесть содержимое флешки. Но путь казался тропой через минное поле.

Гонцова взяла волю в кулак и отогнала нахлынувшую волну страха.

– Идем! – сказала она своему спутнику и, следуя некоему подсознательному порыву, подхватила его под руку. Решила, что, если последуют сальные шуточки, пошлет его подальше, но Никита удивил и никак ее действие не прокомментировал.

Ей вспомнилась неожиданная метаморфоза, случившаяся с Максимом в туалете. Что заставило Смолова в считанные минуты так перемениться, до сих пор оставалось для Анастасии загадкой, хотя некоторые подозрения маячили на задворках сознания. Однако она решила оставить выяснения на потом: сейчас не время и не место.

Они пошли по тротуару в сторону Муринского парка. Анастасии показалось, что буря, начавшая было сбавлять обороты, вновь набирала мощь. Ветер крепчал и теперь дул навстречу, дождь хлестал холодными каплями по лицу, гром грохотал в небе, которое стало еще темнее – самое время включить уличное освещение. Прохожих почти не было, а те немногие, которые попадались на пути, топали по лужам, вжав головы в плечи, и искали укрытие. Никита и Анастасия, пытаясь спрятаться от непогоды под почти бесполезным зонтом, шли быстрым широким шагом. Зыряка по сторонам, оба тревожно высматривали потенциальную опасность. Но она явилась, откуда не ждали.

Гонцова случайно подняла глаза к небу и увидела летящую прямо в них параболическую тарелку, сорванную с одной из крыш близлежащих домов.

Она не успела даже закричать, просто встала как вкопанная, схватившись за рукав Никитиной ветровки, и замерла в ожидании удара. Но тарелка, подхваченная мощным воздушным потоком, изменила курс в самый последний момент и просвистела над их головами. Миг спустя из-за спины донесся оглушительный грохот и звон разбитого стекла, чьи-то истошные вопли вперемешку с руганью.

Анастасия и Никита посмотрели друг на друга, в глазах каждого светилось осознание истинной подоплеки происшедшего события.

– Похер, – рыкнул Смолов, – идем дальше.

И он потащил держащую его за локоть девушку, как локомотив пассажирский вагон. Анастасия, понятное дело, не сопротивлялась, даже в мыслях не было, шла быстро, как только могла, но Никита затопал таким широким шагом, что она, при всей своей спортивности и тренированности, едва за ним попевала.

Миновала пара минут, прежде чем они достигли парка. Гроза и правда передумала уходить, наоборот, – решила вернуться. Молнии опять польхали в зените, гром оглушал, ветер едва не сбивал с ног, заставлял горбиться и наклоняться вперед. Когда проходили через парк, одна из молний ударила прямо в фонарный столб. Яркая вспышка ослепила; столб, рассыпая снопы искр, с лязгом повалился на асфальт и лег поперек тротуара, потянув за собой провода электропередач.

– Берегись! – вскричал Смолов. Отскочив в сторону, он дернул за собой девушку, и они оказались на газоне. Провода зазмеились на мокром асфальте в нескольких шагах от них, вспыхивая и потрескивая; с неба ударил грохот, от которого заложило уши. Никита опять выругался, нисколько не стесняясь спутницы; та и сама бормотала матерки, обращаясь к перегоревшему дорожку фонарному столбу.

– Нет, ты глянь, че творится! – взревел Никита. Он, похоже, испугался, а неожиданный испуг, как часто бывает, обернулся гневом и яростью. – Сука, твою мать, твою мать!

Анастасия потянула его за рукав.

– Нам пора, – сказала она.

Они обошли преграду и продолжили путь по аллее, прямой стрелой разрезающей парк.

Следующие три минуты шли спокойно и без приключений. На проезжей части образовались глубокие лужи, по которым машины и автобусы плыли, рассекая воду, будто лодки. Прохожих на тротуаре стало еще меньше; все, кто мог, давно попрятались в ожидании конца бури, который наступать никак не собирался.

Перекрикивая шум ветра и дождя, Гонцова заметила:

– А ведь не в нас целится. Или в нас, но мажет.

– Целится кто?

– Была бы я суеверной, сказала бы, что темные силы, – она дернула плечами, – или Нергал какой-нибудь.

– Кто-кто?

– Нергал, – повторила с невеселой усмешкой Анастасия и пояснила: – Это из аккадской мифологии: бог бед, несчастий и внезапных смертей. И вообще, спроси что-нибудь полегче.

Никита матюгнулся и покачал головой.

– Будто убивать не хочет, – продолжала мысль Анастасия, – или не может.

Мужчина ничего не ответил.

– А еще вспомнился морской бой, – говорила девушка, – в школе играли на линованных в клетку листах.

– Поймаю этого игрока, мозги вытрясу, – зло проговорил Никита.

Парк закончился, впереди показался круговой перекресток. Приближаясь к зебре, они замедлили шаг, а потом и вовсе остановились метрах в десяти от бровки. Анастасия с ужасом поняла, что переходить придется нерегулируемый светофором перекресток. Здесь «игроку» промахнуться будет очень сложно.

– Блин... – промолвила она, глядя на нескончаемый поток легковушек, грузовиков и автобусов. На этом участке дороги ливневая канализация справлялась с работой неплохо, и огромных луж не образовывалось, а потому машины ехали довольно быстро, хоть и притормаживали перед самым перекрестком.

Она взглянула на Никиту – тот, похоже, понял ее опасения. Насупился и выпятил челюсть, словно готовился к потасовке. Проливной дождь, плохая освещенность, быстро дви-

жущийся транспортный поток – что еще нужно, чтобы стать жертвой наезда? Тут и без Нергала рисков выше крыши.

– Ну что, – она дернула его за рукав, – вперед и с песней?

– Прорвемся, – откликнулся он, высматривая безопасный просвет между машинами.

Прошло несколько секунд, прежде чем он воскликнул:

– Давай!

Взявшись за руки, Никита и Гонцова бросились на проезжую часть.

Первые две полосы пустовали, их проскочили без проблем, а по третьей проезжал троллейбус. Ехал медленно, но порыв ветра (или, возможно, плохая сцепка) заставил одну из штанг соскочить с провода. Троллейбус остановился прямо перед Никитой и Анастасией, загородив дорогу. Из-за него показался капот синего внедорожника, который, пытаясь объехать преграду, выполз на полосу, где в растерянности застыли два человека. Никита потянул девушку за собой, и они, едва уклонившись от давшего по газам внедорожника, обежали троллейбус спереди и оказались на разделительном газоне. Здесь Гонцова облегченно выдохнула, но тут же поняла, что радоваться рано. На противоположной стороне дороги произошло столкновение: одна легковушка въехала в зад другой. Но мчавшийся за ними грузовик тормозить начал слишком поздно. Водитель, видя, что столкновение неизбежно, вывернул руль, и грузовик понесся прямо на двух пешеходов, замерших на газоне.

– Б***! – вскричал Никита и отпрыгнул в сторону, дернув Анастасию за собой. Девушка ощутила волну воздуха от пронесшейся совсем рядом машины. Они не удержали равновесия и упали в мокрую траву. Раздался грохот и звон разбитого стекла: грузовик въехал в троллейбус сбоку и сдвинул его на несколько метров. Удар оказался не слишком сильным, никто из пассажиров, скорее всего, не погиб, но промешкай Никита хоть секунду, Гонцову размазало бы по бамперу.

– Нифигасе, морской бой, – проговорил он, вытирая грязь с бритого черепа.

Анастасия издала нервный смешок и приподнялась на локте, глядя на смятый троллейбус, на водителя грузовика с разбитым в кровь лицом, на суетящихся и причитающих пассажиров.

Она смахнула воду с щек и поднялась на ноги. Никита встал рядом. Одежда потяжелела от приставшей грязи и неприятно липла к телу. Гонцова убедилась, что телефон, оружие и удостоверение все еще при ней, Никита нащупал в кармане флешку. Сломанный зонтик остался лежать на газоне.

– Поскакали дальше, – сказала девушка.

Они взялись за руки и, дождавшись просвета в транспортном потоке, пересекли противоположную часть Северного проспекта, вышли на тротуар Гражданского и продолжили путь на юг.

Метров через сто показалось здание Центральной районной библиотеки Белинского. Крупные буквы синели сквозь ветви кленов, растущих вдоль бульвара, который пролег зеленой полосой между двумя сторонами проспекта. Ветви суматошно метались, терзаемые остревелыми порывами ветра, стволы гнулись и страшно скрипели.

– Копать-потеть, – проворчал Никита, – опять через дорогу.

– Здесь, кажется, полегче, – сказала Анастасия, отмечая относительно небольшое количество машин. – Идем, мы почти на месте.

Выждав подходящий момент и преодолевая яростное сопротивление ветра, они ринулись на проезжую часть и за несколько секунд достигли бульвара. Ураганный порыв ударил с новой силой, заставив их покачнуться. Деревья заскрипели, справа донесся громкий треск. Анастасия повернулась в сторону и увидела летящий на них ствол.

– Берегись! – успела она выкрикнуть, прежде чем молодой клен, переломленный могучей силой урагана, сбил их с ног, повалил в размокшую землю и придавил, расцарапав лица острыми ветвями.

Сверкнула молния, яркая как тысяча солнц, и ударила в фонарный столб. Тот вспыхнул веером искр и с оглушительным скрежетом накренился, нависнув над придавленными деревом людьми.

– Господи, нет... – пролепетала Гонцова.

Рядом грязно матерился Никита, пытаясь вылезти из-под дерева. Острые ветви вонзились в землю справа и слева, вилкой прижав его к траве. Шквальный порыв ветра нагнул столб ниже, разорванные провода заискрились, зависнув в нескольких метрах над поваленным деревом. Анастасия отчаянно заработала руками и ногами, выползая из-под ствола, благо с ее миниатюрным телосложением это было не так уж сложно, но ветви цепляли и рвали одежду, словно не желали отпускать и пытались задержать как можно дольше. Никита подобрался, уперся руками в ствол и зарычал, приподнимая его над собой и позволяя девушке выскользнуть из цепкой хватки веток. Фонарный столб угрожающе скрежетал, скрипел, сгибаясь все ниже, будто кланяясь могучей, неодолимой силе ветра. Искрящиеся провода колыхались над самым лицом Никиты.

Выбравшись, Анастасия немедленно раздвинула ветви, подхватила Никиту под мышки и потянула на себя, тот засучил ногами, сантиметр за сантиметром выползая из-под дерева.

– Ну же! Давай! – кричала ему Гонцова, но он и так делал все, что мог.

Звякнул металл, и переломившийся столб, будто повергнутый в поединке воин, полетел вниз. Девушка дернула изо всех сил, Никита оттолкнулся ногами, высвободился из цепких кленовых лап и вместе с Анастасией упал на землю. На поваленное дерево с глухим треском рухнул столб, а провода взвизгнули следом. Но Анастасия и Никита торопливо отползли от места обрушения, прислонились спинами к мокрому сиденью скамейки.

– С-спасибо, – задыхаясь, проговорил он.

– Квиты, – устало откликнулась девушка.

Прошла минута, другая. Никита сказал:

– Слышь, если флешка у меня, может, ты без приключений добралась бы до библиотеки одна?

Анастасия, глядя на поваленный столб, ответила:

– Умная мысль приходит опосля.

– Еще не поздно, – напомнил он, – нам еще через дорогу перебираться, да и внутри...

– Нет уж, вместе начали, вместе и...э-э...

Никита загоготал. Она пихнула его локтем под ребра и добавила:

– К тому же не факт, что мне без тебя безопасней, а проверять не хочется.

– Ладно, не ссы, прорвемся.

– Я и не ссу.

Мужчина поднялся на ноги, протянул руку Анастасии, однако та предпочла встать сама. Он хмыкнул, но ничего не сказал, остановился у бровки, повернув голову вправо и внимательно следя за проезжающими автомобилями. Из-за угла квартала на большой скорости вывернул КамАЗ, но вдруг принялся вихлять из стороны в сторону, будто потерял управление. Гонцова успела разглядеть, что переднее колесо спущено и грузовик чуть кренится на бок.

– Блин, этот точно наш, – обреченно проговорила она, указывая на приближающийся КамАЗ.

– Бежим, не ждем! – крикнул Никита и опять схватил ее за руку, потащил.

Лавируя между машинами, они помчались через дорогу на противоположную сторону. Грузовик начало сносить вправо; секунду спустя он въехал на тротуар, распугав редких прохожих, и врезался прямо в библиотечную дверь. Стекла на ближайших ко входу окнах со зво-

ном осыпались. Дверца КамАЗа приоткрылась, на асфальт прыгнул водитель. Схватившись за голову, он с ужасом посмотрел на свой грузовик, а затем на разбитые двери библиотеки.

Гонцова и Никита стояли в десяти метрах от бедняги и наблюдали за ним с не меньшим ужасом. Они переглянулись, и оба, словно по команде, направились к ближайшему разбитому окну. Никита полез через подоконник первым и оказался в читальном зале. Анастасия запрыгнула следом.

В помещении находились несколько человек. Они сгрудились у заблокированного выхода из зала, взволнованные происшествием, и тихо переговаривались. Служащая библиотеки – высокая сухопарая женщина предпенсионного возраста – говорила по телефону с полицией: диктовала адрес и сообщала, что тяжело пострадавших нет. На полу у окна лежала груда мокрых осколков, на одном из столов Анастасия заметила несколько капель крови. Похоже, все обошлось.

– Где здесь компы? – спросил Никита, оглядываясь по сторонам.

– Сейчас узнаем, – ответила Гонцова и, лавируя между столами, направилась к женщине с телефоном.

Только она собралась продемонстрировать служащей свое удостоверение, как в помещении погас свет. Читальный зал погрузился в сумрак, посетители взволнованно зашептались, многие принялись складывать в сумки свои вещи, собираясь уходить. Решив не тратить времени на формальное представление, Гонцова обратилась к женщине:

– Скажите, компьютеры у вас стационарные?

Та как раз закончила разговор с полицией и спрятала телефон в карман пиджака; смерила мокрую, вымазанную в грязи девушку неодобрительным взглядом и ответила утвердительно. Анастасия чертыхнулась и поинтересовалась, нет ли в библиотеке запасных генераторов электричества, на что служащая лишь усмехнулась и покачала головой. Оставив посетителей, она направилась к разбитым окнам и достала мобильник, принялась фиксировать нанесенный ущерб на камеру.

– Все как по плану, – скривился Никита. – Что будем делать?

Гонцова осматривалась по сторонам, соображая, что предпринять. Глаз зацепился за молодого парня в очках, который, стоя у дальнего стола, собирал в стопку и складывал в рюкзак исписанные листы. Несмотря на полумрак, она заметила, что рюкзак его прямоугольной формы и не толстый – как раз такой, в котором носят ноутбук. Никита проследил за ее взглядом, крикнул и двинулся к парню. Но майор остановила его, покачала головой и шагнула вперед сама.

– Молодой человек, – добавив в голос служебной строгости, обратилась она к юноше и сразу же развернула удостоверение. – Что у вас в рюкзаке?

Тот поднял на нее удивленные глаза, затем, прищурившись, уставился в раскрытую корочку. Анастасия достала телефон и посветила в нее фонариком.

– Мои личные вещи, черновики дипломной работы и ноут, – с некоторой растерянностью ответил парень.

– Мне необходимо срочно воспользоваться вашим компьютером, – заявила Гонцова. – Дело касается государственной безопасности.

– Именно моим? – удивился студент.

– Считайте, что да. Включите его, пожалуйста, немедленно. Батарея заряжена?

– Да...

– Замечательно! Включите и отойдите в сторонку. Желательно вообще покиньте помещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.